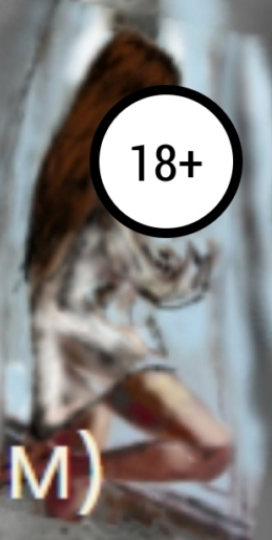

Татьяна Иванько

Миллионеры

18+

(Повесть о настоящем)

ТОМ 3

МиЛлениум

Татьяна Иванько

**МиЛлЕниум. Повесть
о настоящем. Том 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

МилЛениум. Повесть о настоящем. Том 3 / Т. В. Иванько —
«ЛитРес: Самиздат», 2018 — (МиЛлениум)

ISBN 978-5-532-95884-5

Герои становятся старше, ещё сложнее запутывая нити взаимоотношений. Отцы и дети, кто возьмёт на себя ответственность, кто откажется от неё, кто продолжит любить несмотря ни на что. Всё сложнее сохранять чистоту душ и намерений. Испытания, опасности, ложь и правда. Все справятся с испытаниями, кто сдастся? Ложь затягивает в свою тёмную воронку, как чёрную дыру, меняя реальность переворачивая всё с ног на голову. Герои, считавшие, что счастье наконец вернулось к ним, вновь оказываются разлучены и разведены на сей раз ещё дальше. Но что может держать их вдали друг от друга? Похоже, такой силы не существует. Стерх оказывается в прицеле и бандитов и спецслужб, но на линии огня он теперь не один... Что и кто спасёт его? И как станут строиться взаимоотношения всех героев дальше. В самый, казалось бы, светлый и радостный период своей жизни герои сталкиваются с нападением таких врагов, каких они ещё не встречали. И чем кончится для всех это происшествие?..

ISBN 978-5-532-95884-5

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 11	5
Глава 1. Льдинки	5
Глава 2. Тяжесть	11
Глава 3. Ветер	16
Часть 12	22
Глава 1. Рядом	22
Глава 2. Плащ Казановы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Иванько

МиллЕниум. Повесть о настоящем. Том 3

Часть 11

Глава 1. Льдинки

Алёша, по-прежнему потерянный, ушёл в свой Склиф, а я набрал номер Наташи, она в это время уже на работе. Я не звонил несколько дней, я был в Н-ске неделю назад. Наташа ответила сразу. Приняла поздравления, поздравила и меня тоже с нашим с ней общим праздником, а потом сказала, помолчав несколько секунд, и чуть приглушив голос:

- Ты... Кирилл, ты не приезжай... не приезжай, как собирался...
- Что случилось? – мне стало не по себе от её странного голоса и холодных слов.
- Ничего. Всё вернулось на круги своя. Не волнуйся, тебе не надо уже жениться на мне. У меня похолодело под сердцем:
- Наташа... что ты сделала? – спросил я, осипнув.
- Сделала. Так что живи как жил.
- Зачем ты так, Наташа?
- Пока, Кирилл, Алёше я позвоню ещё...

Вот так, захлопнула дверь перед моим носом... Я не обольщался. Не думал, что мы можем быть по-настоящему счастливы или близки с Наташей, мы никогда особенно не сблизались, слишком разные по темпераменту, взглядам, устремлениям, предпочтениям в самых мелких вещах, нам с ней трудно было ужиться даже, когда нам было едва за двадцать, что уж говорить про теперешние годы...

Но ребёнок... Наташа... Всё же не выдержала возможного провинциального осуждения или вовсе не хотела его сразу? Или... Ах, Наташа... Как нехорошо стало на душе... как славно всё было несколько часов назад, когда мы втроём сидели за столом и угощались тортом, специально заказанным мной для сегодняшнего утра! Как счастлив я был видеть двух самых дорогих для меня на свете людей, моего сына и ЕЁ, Лёлю... быть с ними, радоваться тому, что им вновь хорошо со мной. Что всё прощено, но ничего не забыто, не отпущено, «все видят»... Ах, Наташа...

Что теперь будет с Алёшей и Лёлей, только бы он не натворил глупостей, не признался бы только! Кто это простит из женщин... тем более жена... Если она уйдёт опять... Что я стану делать, если они опять разойдутся?!..

Диагностические выскабливания я сделала безупречно, дай Бог, чтобы у этих женщин не оказалось каких-нибудь тяжёлых диагнозов вроде рака. Гистероскопию на новом эндоскопе тоже провела на «отлично», что называется, но это уже не в первый раз.

Следующая пациентка вошла как раз, когда из смотровой вышла даже акушерка. Мне показалась странно знакомой эта девушка, но только первые пару минут я не узнавала её, потом воспоминания встрепенулись в моей голове – это же та самая девушка, немного рыхлая красивая блондинка, что так нахально вешалась на Лёню когда-то возле Склифа.

Что она... на аборт пришла?..

– Фамилия ваша? – спросила я.

– Нарышкина, Ольга Викторовна. Я ... это же вы... – вот чёрт, узнала меня... – вы жена Алексея... Моего Лёши!

– Вашего?! – я задохнулась от возмущения и от того как болезненно сжалась моя душа от этих слов: «моего Лёши»...

– Отпустите его! – вдруг вылупив большие белёдые глаза, запрочитала девушка, называющая Лёню «мой Лёша». – Он из-за вас меня на аборт заставил идти! А я его люблю и он меня любит, он просто думает, вы узнаете и опять с его отцом станете... ну... крутить...

Меня затошнило, ударило будто в голову: «крутить»... Лёня рассказывает об ЭТОМ ей, этой девушке?! Это предполагает серьёзные отношения... Очень серьёзные, чтобы Лёня мог такое рассказать, то, чего даже друзьям не говорил...

– Вы такая красивая, вы, наверное, добрая, отпустите Лёшу, я ему сыночка рожу... Не заставляйте его... Ему так стыдно, он страдает из-за того, что вы и Кирилл Иваныч...

Боже мой... да замолчишь ты...

– Он хороший, он меня так любит. Он говорил, что у нас всё будет, только он вас не хотел... ну, обидеть... Отпустите Лёшу! Ему со мной будет лучше. С вами он стыдится, что вы с его отцом, не может вам сказать, а сам... он только об этом и думает, как вы унижали его... Не спит ночами...

Боже мой, сжалась, убей меня сейчас... жаль, что не убил раньше, пока я не слышал ещё всего этого...

Я постаралась начать говорить:

– Вы... Ольга Викторовна, вы идите. Аборт не надо делать, вообще... не волнуйтесь... Ребёнка Алексей всегда хотел, – я встала из-за стола. – Вы идите, на учёт встаньте по беременности, наблюдаться надо. И про аборты больше не говорите, малыш всё слышит...

– Елена Николаевна!.. – она хлопает большими ресницами.

– Идите...

– Вы добрая! Спасибо вам! – улыбается, зубы толстые...

Наконец-то её вынесло из кабинета, не успела я перевести дух, вообще вернуться к реальности, как вошла моя преподаватель:

– Что это женщина шарахнулась? Передумала аборт делать?

– Передумала, – сказала я. – И я, Анна Романовна, передумала... вернее и не думала... Я не буду делать этого. Никогда. Считаете это непрофессиональным, выгоняйте. Я могу и буду делать всё, но ЭТО я делать отказываюсь.

Анна Романовна прищурила чёрные глаза:

– Что это ещё?!

Я стою, думаю о том, как бы мне поскорее вырваться отсюда, скорее, на воздух, я задыхаюсь... «Я Лёше сыночка рожу»... «Ему так стыдно»... «Отпустите Лёшу»... А Анна Романовна ещё спрашивает, почему я отказываюсь убивать детей, вот «Лёшиного», например...

– Хорошо подумала?

– Очень хорошо подумала, – я смело встретила её взгляд, подняв голову.

Она ещё несколько мгновений сверлила меня взглядом, но не злым, не раздражённым, а чуть ли не гордым и восхищённым?.. Анна Романовна, отпустите, на воздух, ради Бога...

– Насчёт «всё могу», ты не зарывайся, Легостаева, Елена Николаевна, – она нарочито отчётливо проговорила мои имя и отчество, – ты ещё только начинаешь превращаться во врача, только окукливаешься, а выйдет ли из кокона бабочка с прекрасными крыльями, мы ещё посмотрим... – в уголках глаз брызнуло что-то, как лучики улыбки. – Тэк-с... Иди сейчас домой. Подумай пару дней. Надумаешь работать, придёшь. Сейчас ничего не говори. Иди.

– Я...

– ИДИ! – почти рыкнула Анна Романовна, длиннорукая, похожая на мясника моя неутомимая и всегда жизнерадостная куратор, впервые сделавшаяся такой строгой.

Но сейчас я не думаю о том, что, возможно прикончила свою карьеру, я думаю о том, что я смогла настоять на своём в этом деле.

О Лёне я не могу думать. Мне так больно, что это выше моих сил сейчас думать о нём, о том, что я нарисовала себе несуществующий мир и в нём пребывала... Господи, ты делаешь нас слепыми и глухими, когда хочешь наказать... Ведь я видела же её, много раз видела у Склифа... а эти звонки... Лёня... как ты жил-то в этом аду?

Жить на две половины, ничего хуже нет. Как ты это вытерпел? На аборт послал девочку, этаким грех на душу берёшь, ради чего, Лёня... нет, не могу, не сейчас, не могу...

Я вошла в квартиру, рассчитывая никого не застать. Но Кирилл оказался дома. Я это поняла не сразу. Я, босая, не чувствуя ступнями холодного пола, прошла в нашу с Лёней комнату. Нашу... что теперь может быть «наше»...

Кирилл заглянул в открытую дверь:

– Ты почему вернулась? Не заболела?

– Кирюша... – выдохнула она, будто с облегчением, – ты дома? – я так рада видеть его, его добрый взгляд, обеспокоенный, искрящийся. Хотя бы что-то не изменилось пока в этом мире...

Лёля выглядит странно, бледная и рассеянная, смотрит, как будто соскучилась... не так как всё последнее время, когда за Алёшей она вовсе не видела меня, а тут подошла ко мне и обняла:

– Как хорошо, что ты дома, – она положила голову мне на грудь под шею, макушкой под подбородок, босиком она сразу значительно меньше меня... – как же хорошо, что ты есть, Кирюша, милый...

Она подняла лицо, продолжая прижиматься ко мне:

– Ты ещё любишь меня? Или всё похоронил? – она смотрит на меня тёмно-синими блестящими глазами.

– Ты уверена, что хочешь это знать? – улыбнулся я.

Что толкает её сейчас в мои объятия? Про Алёшкины шашни узнала? Что дальше будет?.. а не всё ли равно?!

– Знать?.. Я хочу почувствовать это! – её рука, всегда такая... как прикосновение воздуха, прохладной воды в жару... едва касается, будто она кончиками пальцев, ладонью хочет почувствовать, словно увидеть моё лицо... – Я так тебя люблю! Ты это знаешь?.. Нет, подожди... послушай! Я не знаю, как это происходило и продолжает происходить, почему это происходит, что за обратная сторона Луны, моя любовь к тебе... Я тебя люблю с того дня, как... помнишь, мы встретились в Н-ске летом?.. даже, если ты не помнишь, это не имеет значения, помню я и буду помнить... с того дня я не могла не думать о тебе и не понимать, что хочу тебя... Я всегда, с первого мига стыдилась и бежала от этого, но всегда желала того, что было после. Всегда буду тебя любить! Ты меня прости...

– Простить? За что? – я коснулся ладонью её волос, её лица.

– За то, каким это стало несчастьем для тебя – меня любить.

Ну нет, это совсем не так Лёля!

– Нет, милая, это всегда было счастье. Без тебя я никогда не узнал бы его... С того самого летнего дня... Я помню всё, что тогда было. Что я чувствовал, что я чувствовал от тебя... Почему ты говоришь сейчас всё это? Что случилось? Что с тобой?

Она мотнула головой, волосы качнулись на мою руку. Не хочет сказать.

– Расскажи мне... – надо, чтобы сказала, сама сказала, я не должен показать, что знаю что-то... Ей будет ещё больнее. А ей сейчас больно, я чувствую, чувствую её боль, чувствую сильнее, чем свою...

– Рассказать?.. Я отказалась делать аборт. Сегодня и всегда. Теперь меня, возможно, выкинут из ординатуры, – она отпустила меня из своих рук, от своего тела, но не от себя... Не отпускай меня от себя никогда, Лёля.

– Не надо так огорчаться. Никто не тронет тебя. А выгонят, на дерматологию пойдёшь, там аборт делать не надо.

Он улыбается. Какой ты всё же славный человек... Я снова обняла его.

– Спасибо тебе, Кирюша, милый... Ты... ты сейчас не... я хочу побыть одна. Ладно?

Я подошёл к двери, да...да, я сейчас уйду. Но... кому ещё я могу сказать, если не тебе...

– Наташа избавилась... избавилась от... от нашего ребёнка, – сказал я, обернувшись.

Лёля нахмурилась, бледнея, смотрит на меня:

– Господи... ты... тебе больно? От этого больно?

– Больно?.. Нет, пожалуй... Но... Когда я думаю, что и Алёши могло не быть... так же могло не быть...

Мы смотрим друг на друга. Это ещё одна тайна, которая объединяет нас... что до остальных, они раскрыты, но не перестают притягивать, связывать нас друг с другом.

– Не надо, Кирюша, ты не терзайся.

– «Не терзайся»... – вздохнул я. – Я так привык не терзаться. Я привык жить легко... – говорю я, чувствуя ком в груди.

– И, слава Богу, хоть кто-то по-настоящему лёгкий человек... Светлый, – она так улыбается, право, развеиваются тучи с сердца.

«Светлый человек», спасибо тебе, Лёля... И болезненный ком сразу пропал. Наверное, ты, правда, любишь меня. Кто ещё меня так любит?..

Она села к столу. Расстроена, девочка. Я подошёл к ней, сжал плечи ладонями, мне хочется согреть, защитить её, и её тучи развеять. Но как? Что тебя тревожит, что мучит? Почему ты не хочешь сказать? Узнала об Алёше? Скажи, и я смогу успокоить тебя! Скажи, я не могу сказать сам!

– Я... я завтра буду дома. Мне сказали, пока не приходит...

– Даже так?

– Да... но... может это я не права?

– Нет, я так не думаю, не думаю, что ты не права.

Нет, расстроена из-за работы, из-за учёбы, понять легко. И всё же, почему мне кажется, что это не всё, не вся правда? Я чувствую в ней трещину и она увеличивается... завтра будет дома... это хорошо, может быть завтра скажет...

Я наклонился, чтобы поцеловать её, но она остановила меня, накрыв ладонью моё лицо, мои губы, но наклонилась к руке, лежащей на её плече, прижав на мгновение щеку. Тепло и тихо. И так, как касаются того, кто по-настоящему близок и дорог. Тысяч разнообразных чужих поцелуев стоит это прикосновение...

Я спешил домой. Будто чувствуя, что что-то происходит снова, снова начала шататься и рушиться моя жизнь. Отец был дома, когда я вошёл.

– Ты рано, что стряслось? – он вышел в переднюю.

– Стряслось?.. Лёля... не приходила ещё?

– Давно уже. В «гараж» ваша ушла, сказала, ваши придут, юбилей твой отмечать. Ты что? – он вглядывается в меня. – Что с тобой? Бежал всю дорогу, что ли?

Алёша сел на большой пуфик в прихожей, опустив руки.

– Не знаю... В «гараж», значит. Ты... пап... Нет, ладно... – он посмотрел на меня, – завтра увидимся.

И ушёл. Такой же бледный и встревоженный. Всё же, как они чувствуют друг друга. Даже на расстоянии...

Я бегу, теперь в «гараж». Мне действительно кажется, что я опаздываю, что я не успею, не застану её и упусти. Почему? Из-за этого пришедшего в мою жизнь кошмара, ведь если кошмар в моей жизни, то и в её... у нас одна на двоих жизнь.

Надо сказать, надо сказать всё и решить, как поступить, как быть дальше.

Я вошёл в незапертую дверь.

– Кто там? Кирюша, ты? Ты чего?..

«Кирюша»?!.. Меня обдало жаром... и он дома... И она не на учёбе... пришла давно... Что это? Что, опять, всё по-новой?!.. Почему она не удивляется его приходу, больше того – для неё это обычное дело, то что он пришёл. Что пришёл Он, не я!.. И «Кирюша», не как-нибудь...

Лёля увидела меня, улыбается, показывая издали грязные руки:

– Ты? Ты рано... а я вот мясо решила к вечеру приготовить, пока замаринуется... Что с тобой? – она меняется в лице, вглядываясь в меня.

– Со мной?.. – мои веки прищурились будто сами собой. – Ты... отца ждала?

– Нет, с чего ты взял?

– Ну... «Кирюша» и... я не слышал ещё, чтобы ты так называла его при мне.

Лёля посмотрела на меня:

– Не называла при тебе? Всё может быть... – она пожала плечами. – Но разве это важно?.. Давай, помогай, раз пришёл так рано. Вино открой, вином мясо зальём.

Делает вид или правда не придаёт значения тому, что... что они тайно встречаются... Встречаются...

Я всё забыл от этих мыслей, мыслей о том, что они... и как её вывести на чистую воду, когда она притворяется, что всё как всегда?

Я же вижу, что притворяется, не всё как всегда...

Я так и не сумел подобрать слова, правильно задать вопрос, чтобы понять, что с Лёлей, почему она смотрит, но будто не видит... Говорит, но будто не со мной, а с кем-то, кто будто за спиной у меня...

Пришли ребята, все с жёнами, кроме Масла, он пока не обзавёлся девушкой. Ребятишек не брали сегодня, оставив с бабушками. Так что мы могли позволить себе развлекаться допоздна и самым «разнузданным» образом. И хотя с утра всем было нужно на работу, кроме девочек, потому что двое были в декрете, а Лёля так толком и не объяснив, почему, но сказала, что завтра останется дома. То есть здесь, в «гараже».

– Масёл, что ж ты всё бобылём? – Мила усмехнулась будто бы игриво, но мы, зная её, видели, что она балуется. Масла, впрочем, смутила, к всеобщему веселью.

Мы танцевали. Мы пели под аккомпанемент гитар и бубна несколько песен. Новых, я только в последний месяц написал, Лёля слышала, девчонки ещё нет. Хлопают, хвалят, хмельные все, но, кажется, искренне...

Юра с Серёгой учатся в ординатуре в Онкоцентре на Каширском шоссе, всегда посмеиваются надо мной, «ненормальным», которого понесло скорпомощную больницу.

– С «красным» дипломом ты мог бы...

– Уймись вы уже с советами, – смеюсь я, тоже в сотый раз отвечая на их подначки.

Юрка замахал рукой на меня:

– Комсомолец первых пятилеток, – сказал он. – Такие, как ты и Комсомольск-на-Амуре какой-нибудь строили, надо думать.

– Без таких, как наш Лютер, вообще всё давно кончилось бы, – неожиданно серьёзно сказала Люся.

– Без всех нас всё кончилось бы, – улыбнулась Лёля.

Мы все посмотрели на неё, удивлённые немного её серьёзным голосом и тоном, но она снова улыбнулась легко и спросила Юру:

– Когда в «звёзды»-то выходите?

– Зря хихикаешь, твой муж даже нотную грамоту осилил между делом, туда-сюда и настоящими профи станем.

Мы все засмеялись. И я был бы счастлив, если бы не льдинки на дне Лёлиных глаз... что с ней... из-за него, из-за «Кирюши»?..

Разошлись все, в полночь, чтобы не опоздать на метро, смеялись, что в прошлые времена остались бы, но работа не учёба, малыши...

– Да и оставаться с ними, с этими бешеными тут... пока сидели, взглядами щёки прожгли друг другу. Когда медовый месяц-то закончится, проказники из психушки? – смеётся Мила. Этот фильм давно устарел, когда-то на первом курсе мы всей группой смотрели его, но никто не помнит ничего, кроме бойкого названия.

И опять все смеялись. Мы расцеловались, прощаясь. Я запер дверь, а Лёля прошла внутрь, остановившись у стола, спросила со вздохом:

– Простишь, если останется этот бедлам до утра?

– Я сам уберу утром.

Лёля посмотрела на меня, с усталой улыбкой, включила водонагреватель, снимает одежду за полиэтиленовым занавесом, обозначающим нашу «душевую». Я зашёл к ней, пока она поднимая изящные руки, закалывала волосы повыше на затылке, открыл ещё слабо нагретую воду. Я уже раздет, всё как всегда, как каждый день... и каждый день как впервые, как впервые мы видим нагими друг друга...

Лёд растаял, если и был, если я не выдумал его себе. Какой лёд... Какой может быть лёд... в Лёле никогда не было льда... ни одной снежинки...

...И всё же мне снова снится кошмар. Снова, я вижу, как Лёля отделяется, уходит... я уезжаю на поезде в Чечню, а она остаётся... Уходит, на её плечах чьи-то руки... Лёля!.. но руки увлекают её за собой... Нет, ты рядом, ты со мной... ты всегда будешь со мной...

Утром я ушёл, пока она ещё спала, я убрал всю посуду, как и обещал. И снова вспоминаю, что надо поговорить... эта мысль хуже адского наваждения... Снова Оля... Оля, с которой я теперь должен стать чем-то единым.. Господи, неужели я так сильно провинился перед тобой, что ты так жестоко наказываешь меня?

Глава 2. Тяжесть

– Привет, – Лёля вошла, открыв дверь своим ключом. Я из кухни услышал, как она входит. Я знаю, что это она, потому что больше ни у одного человека нет ключей от моей квартиры. Она сразу пришла ко мне на кухню. – Что это ты слушаешь? Театр у микрофона? – бледная немного, огромные глаза. Что ж... я всё-таки хорошо узнал тебя, Лёля.

– Это Бунин, Иван Алексеевич, – сказал я. – Ты что? – я смотрю на неё незамутнённым взглядом честного человека. Я отрепетировал этот взгляд уже давно. Я ждал тебя, Лёля, ещё вчера... спектакль был разыгран по моему сценарию идеально, всё в своё время.

– «Что»? – рассеянно переспросила Лёля.

– Что с тобой? – спросил я.

– А что со мной? – она не ответила взглядом.

– Почему ты вдруг пришла?

Она вздохнула, села к столу, она не может, похоже, ни говорить, ни смотреть не только на меня, на весь мир, больно тебе... Прости, Лёля, без мести не получилось.

– Возьмёшь пожить к себе? – слабая тень улыбки.

– Станешь жить со мной? – спросил я.

– Ну, если позволишь, – проговорила она, опять вздыхая.

Я отодвинулся от стола, мне хорошо, я не могу не улыбаться:

– Прямо сейчас можно начать?

Она качнула головой не глядя на меня:

– Нет. Прогонишь?

– Да нет. Я добрый, – улыбнулся я, – оставайся так.

Лёля засмеялась. Сначала весело, нормально... Но вскоре смех её превратился в рыдания... она зажала рот обеими руками, сжимаясь в комок. Я подошёл к ней, хотел обнять, успокоить её, но она оттолкнула мои руки, вся трясясь.

– Не бойся меня. Я тебя не обижу...

Лёля... ты доверяла мне когда-то, обними меня, позволь мне тебя успокоить... Позволь мне позаботиться о тебе, я могу, ты это знаешь... Лёля обняла меня, доверчиво прижимаясь, обняла за шею, как ребёнок. Такая, слабая, почти неживая, она нежная, податливая... Я всё вернул себе. Всё, что она сама отобрала когда-то. И куда надёжнее, чем прежде, когда всё было предоставлено судьбе и происходило само собой...

– Где Лёля? – Алёша влетел ко мне в кабинет прямо от входной двери, как вихрь.

– Что значит, «где Лёля?» Вы вместе ушли вчера... – я едва успел развернуться от стола, за которым сидел, занимаясь новой монографией.

– Хочешь сказать, она не приходила сюда сегодня?.. – он сверлит меня глазами, будто опять подозревает в чём-то. Будто даже уверен, что я виноват перед ним.

– Что происходит, Алексей? – я обеспокоился и лицом его и тем, что он говорит. Поздний вечер, если Лёли нет с ним, то... где тогда Лёля?!

– Это ты мне скажи! «Кирюша»!.. – он скривился, коверкая голос. – Ты сказал ей всё? Ты сказал ей, чтобы она бросила меня?!.. Это когда-нибудь закончится?! – орёт на меня мой взрослый сын. Может быть я и виноват, но не в том, о чём он говорит сейчас...

– Прекрати! – и я прикрикнул на него. – Твои косяки, причём тут я?! Я предупреждал тебя, надо было слушать больших мальчиков.

Он подскочил ко мне:

– Твою мать, где Лёля?! «Большой мальчик», чтоб ты провалился?! – Алексей готов вцепиться в меня, уверенный, что я «сдал» его Лёле.

Если мы сейчас рассоримся в хлам, это никому не поможет.

– Успокойся! – примирительно сказал я. – Объясни всё толком. Я не знаю ничего, я вас обоих видел вчера. Сам подумай, где бы я прятал её и для чего?! Если Лёля пропала...

– Она ушла... наверное, узнала всё и ушла... – он сел в кресло, хватаясь за виски, стискивая длинные волосы между пальцев. – Ни в общаге, ни на работе её нет, и не было...

– Ты бы с Олей своей поговорил.

– Да пропади она пропадом, Оля!

– Послушай, что бы ни было с Олей, но ребёнок это... не надо так злиться на ту, что собирается родить тебе. Это важнее.

– Важнее? – Алёша посмотрел на меня. – Важнее чего?! Оля важнее?

Я не стал спорить. Всё сам поймёт и оценит в своё время. Я был моложе, когда оказался почти что в его положении...

– Может быть, она любит тебя?

– Пап! Я умоляю, не надо только о любви сейчас!.. – взмахнув руками, орёт Алексей с бледным перекошенным лицом.

– Это твоё дело, как решишь... но поверь мне, ребёнок это...

Но Алёша посмотрел так, будто я ударил его... Я встал, подошёл к нему, потрепал по плечу:

– Утро вечера мудренее, Алёша, уже двенадцатый час ночи, если Лёля ушла от тебя, ты ничего не сделаешь сейчас. Ты... спать сейчас ложись.

– Спать?! – он посмотрел на меня, как будто я предлагаю что-то несусветное.

– Можешь не спать, метаться из угла в угол. Хочешь, выпьем вдвоём. Можешь напиться в выходные. Но что ты сделаешь, если она ушла?!

– Я не верю, что она сама вдруг ушла, – уверенно сказал я.

– Как это понимать?

– Я ЗНАЮ, что она не могла вдруг вот так уйти. Даже из-за Оли. Я... не могу объяснить, но она не могла уйти так... Что Оля, ребёнок... конечно, ничего хорошего, что у меня будет ребёнок не от Лёли, но... она не ушла бы из-за этого. Лёля не ушла бы... Или... – твёрдость в голосе сменилась нерешительностью, – может, она на время ушла... злится и...

– Ну, хватит, – я остановил турбулентный поток его речей, ясно, что они продолжение мысли, что вертелась неотвязно в его голове много часов. – Ты не найдёшь ответа, пока не поговоришь с ней.

Мне до боли, до душевной судороги жаль его, но что сейчас мы сделаем? Если Лёля ушла... вчера, значит, решила... поэтому и говорила со мной так, как говорила... вчера бы ушла, если бы не день рождения Алёшкин. Ушла бы... Но почему? Почему? Из-за ребёнка этой Оли? Из-за этого не ушла бы... тут Алёша прав и поговорила бы сначала с ним. Может быть, действительно, просто обиделась?.. Да нет, не похоже... я не помню у неё этой манеры – обижаться.

Алёше казалось, за ней следят... кто? А если похитили её? Это не такая редкость сейчас с беспределом этим чеченским... но тогда уже, наверное, потребовали бы выкуп? Или нет? Как это происходит?..

Я нашёл в записной книжке номер своего старого знакомого ФСБэшного полковника, думаю, извинит за поздний звонок.

– Когда пропала твоя невестка? – деловито спросил он, выслушав мой вопрос.

– В течение сегодняшнего дня.

Он помолчал, потом сказал глухим безрадостным голосом:

– Не хотелось бы огорчать тебя, Кирилл Иванович, но всё может быть... – сказал он. И добавил: – Однако вначале по знакомым поищите, прежде, чем всё на террористов списывать. Может она банально к другому мужику ушла и дело с концом? Если ничего нормального не

найдётся в её исчезновении, позвони снова, идёт? Я пока узнаю, кто сейчас в Москве из тех, кто обычно этим занимается...

Поговоришь... понадобилась неделя, чтобы, наконец, увидеть её... Я приехал в очередной раз к акушерству в Первой Градской. И вот Лёля. Я не сразу узнал её... Она была одета в шёлковое незнакомое платье. Босоножки на тонких каблучках, таких высоких и тонких, что она будто парит над землёй... даже волосы выглядят как-то по-новому. И помада и... даже духи. Я чувствую аромат новый, незнакомый...

– Лёля... – выдохнул я.

– О... привет. Что случилось? Нормально всё?

– Ты ушла. Это нормально?

Лёля, дёрнула плечом, небрежно скользнув по мне взглядом:

– Не знаю. Я вернулась к Игорю.

– Что за чушь?! Он что, чем-то шантажирует тебя? – почти заорал я.

– Шантажирует? Чем? – усмехнулась Лёля, больше не глядя на меня. – Нет, конечно.

Просто я поняла, что с тобой мне нечего больше делать. Вот и всё.

Я схватил её за плечо, но тут два мясистых мордворота отделились от окружающего пейзажа и двинулись к нам со словами:

– Парень, ручонки прибери!

– Что это, Лёля, телохранители у тебя?!

Она вывернула руку из моих пальцев:

– Я опаздываю. Пока, не грусти. Найди себе девочку попроще, Лютер, – так и не посмотрела на меня... Она никогда не называла меня Лютером... и тона такого я не помню у неё... и чтобы так подбородок вскидывала.

– Ты об Оле... о ребёнке узнала? Лёля! – я отчаянно пытаюсь уцепиться, остановить её.

– О какой ещё Оле? У тебя Оля?... – не своим голосом сказала Лёля с кривенькой усмешкой. – Ну, так есть с кем утешиться. Удачи!

– Это было до тебя, до нашей встречи... до... – я спешу остановить её и всё это неправдоподобное безумие, в которое превращается наш разговор. – Лёля! Да стой ты!

Но меня хватают её громилы и, хотя я справился бы, может ценой синяков и травм, но... Лёля не дала мне и попробовать связаться в потасовку:

– Не трогать его! Пусть идёт, куда шёл... – побледнев, крикнула она.

И уходит. Даже не посмотрев ни разу, не то что мне в глаза, но даже по-настоящему в мою сторону. Ревновать к Оле? Да устроила бы сцену и всё, скандал, ругань, даже драку – это бы я понял, это нормально, ты всё равно поговорила бы, Лёля, но не делала бы то, что я вижу. Это вообще не ты...

И то, что она идёт к машине, ей открывают дверцу, она садится на заднее сиденье сверкающего чёрным лаком полностью затенённого автомобиля, будто в другую реальность выходит...

У меня ноги приросли к земле. Что происходит... я не могу понять. Я всегда понимал всё, что ты делаешь, Лёля, но не теперь. Никто не знает тебя, как я, ты не можешь быть той, в кого ты пытаешься перевоплотиться теперь. Что с тобой?! Что случилось? И про Олю будто и не знает...

Или не знает? Или правда ушла к Стерху опять? Ведь волновалась за него, когда он на грани оказался... я помню, какое у неё было лицо, какой ужас в глазах, когда она думала, что он умер... и в больнице навещала его... пока не выписался, навещала...

Я много дней думал об этом. Прошло недели две, наверное, когда снова позвонила Оля.

– Алёша, возьми трубку, – сказал отец, заглянув ко мне.

– Лютер! Ты... привет... Это Оля. Ты... как дела? – нерешительно проговорила она.

– Дела... отлично, Оля. Особенно после того, как ты сходила в моей жене! – сказал я, всей душой я ненавижу её сейчас.

На том конце провода замерла пауза, потом удивлённый голос Оли промямлил:

– К жене? Да я... Ни к кому я не ходила... Ты что?

– Всё, Оль, давай потом как-нибудь поговорим? – взмолился я.

Не ходила... Не ходила, так это ещё хуже тогда...

Потекли тоскливые однообразные дни. Я не замечал их. Дни, недели... Прогорало лето, по утрам становилось прохладно и начинало пахнуть осенью всё отчётливее. По асфальту катались сухие листья, опадающие с тополей, шуршали, цеплялись, как и лето, не желая уходить, но московская осень нетерпелива и настойчива, дышит полной грудью уже в середине августа...

Приехал мой брат Юра, неожиданно долговязый, ростом с нас с отцом, молчаливый и куда более заносчивый, чем раньше. Будто туману английского внутрь, в душу набрал. Мы пытались веселить его нашими московскими развлечениями, но не слишком удачно получалось, быть может, потому что нам двоим не было весело, а может быть потому что на все затеи мы встречали его снисходительный взгляд и усмешку. Словом, когда Юра уехал, легче себя почувствовали мы оба. Но не обсуждали это. Отец сказал только:

– Это... возможно юношеский нигилизм...

– Или английское высокомерие, которое он перенял, – не мог не ответить я.

Дефолт, от которого, кажется, содрогнулись и взвыли все вокруг, не имел значения для нас. У меня не было никаких сбережений, у отца все его деньги были в валюте, так что он не потерял, даже напротив, а долгов он не делал, так что даже возросшие цены, для нас двоих, немало зарабатывающих холостяков, значения не имели...

Отец погрузился в написание новой монографии с головой, пропадая в своих лаборатории, а дома дни и вечера просиживая перед монитором компьютера, на котором на этот раз я постоянно видел фотографии микропрепаратов. Я спросил о теме работы. Оказалось, это дерматология, которой он раньше уделял внимания меньше, чем венерическим болезням. И посвящалась сравнительной гистологии различных кожных болезней. Я удивился:

– Ты и гистолог?

– И неплохой, чему ты удивляешься? – отец удивился моему удивлению. – Или ты совсем учёным не считаешь меня? Я не такой выдающийся человек, как ты, конечно, но не совсем пустое место в науке. Особенно в последнее время. Может, глядя на тебя.

Словом, отец оправдывает звание академика. Я смотрел на него и думал, есть ли в Академии ещё более молодые люди...

Осень подтащила дожди, мрачные дни и холод. Мы с отцом опять были одни. Я позвал его вместе с нами в студию прослушать сведённый альбом, чувствуя себя виноватым за то, что набрасывался из-за Лёли.

Мне понравилось. Действительно. Я не разбираюсь особенно в музыке, тем более не могу критиковать то, что делает мой сын. Но я получил удовольствие. Хотя смотреть на них поющих – это не сравнить, видеть лица, живые эмоции, это не просто звук. Наверное, я просто глазами лучше чувствую мир...

С того дня как ушла Лёля, прошло почти два месяца. Мы с Алёшей не говорили о ней. Ни разу. Ни он, ни я не могли не думать о том, что она ушла к Стерху. К Стерху!.. Это не вписывалось в то, что я знаю о Лёле. В то, как они жили с Алёшей. Вообще во всё, что происходило со всеми нами это не вписывалось... И отчаяния, которое владело ею перед тем как она ушла я не могу объяснить для себя с этой точки зрения.

Алексей привёл Олю познакомиться со мной. Это был мрачный вечер. Даже погода, кажется, была в согласии с моим восприятием происходящего. И с Алёшиным тоже. Оля оказалась очень красивой девушкой, аппетитной, я легко понял моего сына, она очень привлекательная. Но непосредственность её утомляла. Странно смотрелась одежда дорогая и яркая, что

не очень вязалось с тем, что она работает продавщицей в продуктовом магазине и вообще, оказывается, из Орехова-Зуева...

Вначале она выглядела смущённой, по большей части молчала, но быстро освоившись, начала говорить, жестикулируя, особенно пальцами, и обильно пересыпая речь выражения вроде: «На самом деле», «Типа», «Вау!». Вначале долго рассказывала, что после обрушившегося в августе дефолта и выросших вследствие этого сразу в три раза цен, намного меньше стало покупателей, живо интересовалась, сильно ли это потрясение задело конкретно нас, наши сбережения...

Расспрашивала меня о моей работе и когда я сказал, чем я занимаюсь, опуская для первого знакомства подробности о своих должностях, да и специфике специальности, полагая, что она не знакома со словом «венерология», но я ошибся. Оля моментально начала рассказывать о своих подругах и друзьях, о том, как нескучно они живут...

Мы с Алёшей невольно обменялись взглядами. И после того, как он проводил Олю домой, вернувшись, предупреждая любое моё слово, Алексей сказал:

– Не говори ничего, ради Бога!

– Много хороших девушек, Алёша, но ты выбрал с кем свои гены смешать...

– Не выбирал я. Кого я выбрал, не выбрала меня, – огрызнулся он, – и давай закончим!

Мне жаль его. У него будто надломлена спина... сброшены крылья. Он не злится, как это было, когда в прошлый раз Лёля потерялась. Теперь она не терялась. Теперь мы знаем, где она и что с ней. И причём Алёша вообще знает так много, что мне начинает казаться, что он за ней следит.

К тому же алкоголь снова вернулся в нашу жизнь. Алексей взялся «поддавать» каждый вечер. Не до пьяна, но молча на кухне до поздней ночи. Что-то тренькал на гитаре при этом, много записывал на больших альбомных листах, но к следующему вечеру я всё это находил скомканным в мусорном ведре... Может мне начать спасать его творения?

Что чувствую я теперь? Растерянность поначалу и тоску, когда стало ясно, что Лёля выбрала другого мужчину, предпочитая... его благосостояние? Или действительно любя? Но это здесь, в этом доме была любовь... Я не понимал и продолжаю не понимать...

Слежу за Лёлей? Отец прав, я слежу за ней. Когда мне удаётся. Я приезжаю в Первую Градскую каждый день, когда не дежурю. Приезжаю в надежде хотя бы один раз застать её одну, без машины, без охраны. В машине, как я подозреваю, её всегда поджидает Стерх.

Пытаться говорить в этих условиях бессмысленно. На ней теперь одежда, какой Лёля никогда не носила при мне. С началом осени – тоненькие короткие шубки, каждый день, буквально, новые, сапожки, сумочки. У меня появилось ощущение, что она развлекает себя этими покупками...

Я ищу способа, возможности наедине увидеть её. Я уверен, что если бы мы остались вдвоём хотя бы на четверть часа... даже, если бы она просто посмотрела на меня, мне в глаза, всё вернулось бы. Как было уже. Иначе не может быть, она меня любит, я не верю, что всё закончилось, такого быть не может.

С Олей я почти не встречаюсь, разговоры о том, чтобы жить вместе, я пресёк сразу, тем более о том, чтобы пожениться. Но я снабжаю её деньгами, а она подробно рассказывает мне, как чувствует себя сама и наш ребёнок. От этого я не чувствую ничего, кроме нарастающего раздражения. Других женщин за всё это время я не знаю. Я в таком капкане сейчас чувствую себя, что это отбивает всю охоту к развлечениям этого рода. К тому же я вижу Лёлю несколько раз в неделю и мучительно желаю только её... Тем более мучительно, что она совершенно недоступна. Как никогда не была... даже когда в школе я, избегая встречаться с ней глазами, смотрел на неё.

Глава 3. Ветер

Лёлина тоска затягивалась. Сказать, что я мог что-то сделать с этим, было бы самонадеянно. В первые же дни Лёля, шутя как будто попросила меня купить ей одежду.

– У меня совсем ничего нет... – немного смущённо говорит Лёля к вечеру первого же дня. – Я... всё почти оставила... – это более, чем правда, она с одними книжками пришла...

Я обрадованно улыбнулся. После целого дня молчания и пребывания в комнате в полном одиночестве, куда я не вторгался к ней, она не выходила, не ела, то смотрела в телевизор, я видел через полуоткрытую дверь, то листала книги, то присев за стол, пыталась писать что-то, то скомкав то, что написала, просто смотрела в окно.

Поэтому, когда она сказала, что ей надо в магазины, я обрадовался. Мы развлекались покупкой одежды несколько дней, посещая самые приятные магазины в центре. Лёля, которая никогда не интересовалась дорогой одеждой, не очень-то воодушевлялась, быстро устала, и затосковала опять. Мы зашли в кафе, и за кофе, сидя напротив неё, я сказал:

– Лёля, ты... я тебя прошу, позволь мне хотя бы это. Поверь, для меня это радость, тем более, что другой радости ты не хочешь мне дать, как я понимаю.

Лёля посмотрела на меня:

– Я... – она опустила ресницы, краснея слегка, – ты настоящий друг, Игорь.

– Ну уж нет! – я покачал головой. – Я совсем не друг. Я не хочу дружить с тобой, хотя это, конечно, приятно... Я хочу с тобой жить. Я не собираюсь делать вид, что это не так. Я согласен подождать, пока тебя отпустит немного, как говорится, но я не собираюсь быть твоим другом, уж извини.

Я смотрю на Игоря. Может мне не льстить его желание? Его, вот такого, совершенного физически, необычного во всех отношениях человека? Нет, мне это приятно. Мне это льстит, меня это привлекает, волнует и он это знает. Всегда так было, но не теперь. Сейчас у меня паралич сердца, я ничего не чувствую кроме сгустка боли в нём. Расставание с Лёней заполнило мою душу полынью. Цветов нет. Только горечь, ветер шевелит длинные стебли...

– Сколько девушек у тебя было за эти месяцы? – спросила я.

Игорь засмеялся:

– По-твоему, я подсчитывал? – засмеялся Игорь. – Но, если честно, можно сказать, что нисколько.

– Почему можно так сказать? Как это получается у тебя? Как это вообще у вас получается?!

– Ну... – я придвинулся, сцепив пальцы в замок, и глядя на неё поверх них, – может быть, потому что я влюблён в тебя?

– Вы все так делаете, трахаетесь с кем придётся, а при этом можете быть в кого-то там влюблены?

– Кто это «все»? Твой муж так делает? Что, изменил тебе?

– Изменил... нет... только... Он сделал ребёнка чужой девчонке, – сказала я, вздрогнув от собственных слов. Мне больно даже от слов.

– Поэтому ты ушла? Что, так трудно это пережить? Просто интересно...

– Интересно? Ну и ну... – разозлилась я. – Если бы... а впрочем, не хочу я это обсуждать.

– Не обсуждай, как хочешь, – согласился Игорь, отодвигаясь, – лох он, твой муж. Потрать как можно больше денег на тряпки, девушки говорят, это помогает.

Я потратила. Не помогает. Очень-очень-очень много денег. Так много, что в какой-то момент я перестала понимать, что мы тратим деньги... только в первых двух магазинах я ещё удивлялась как легко Игорь расплачивается, даже не спрашивая цен.

Когда через неделю взорвался дефолт и все цены выросли в несколько раз, Игорь хохотал до слёз:

– Ты даже в этот раз умудрилась сэкономить, Лёля, умора! Как тебе это удаётся?! В кои-то веки решила потратить мои бабки и сделала это за три дня до взлёта цен!

Игорь держал себя джентльменом. Даже не входил ко мне в комнату без разрешения. Даже не так, как было до того, как мы стали любовниками.

О, да! Я держался из последних сил вообще-то. Деликатничать с женщиной, которая принадлежала тебе, которую ты любишь и хочешь, не так-то просто. Я ждал момента. Я радовался, что она даже в мыслях не держит, что я могу быть причастен к тому, что случилось между ней и её благоверным. Но, действительно, с чего бы она стала предполагать это?

Мы много времени проводили вместе. Мы полюбили ходить в кино «Иллюзион», что в высотке на Котельнической. Мы гуляли, болтали, я рассказывал о моей Москве и проехали всё же на троллейбусе по Садовому кольцу, я провёл шикарную экскурсию для неё во время этой поездки. Мы были вместе почти постоянно, почти всё время, что она не была на своих занятиях. Она рассказала, почему едва не вылетела из своей ординатуры.

– Что отказалась от... Слушай, но почему? Ты разве сама не делала этого никогда?

– Мне повезло.

– И ты такая принципиальная? Выбрала бы другую специальность.

– Я не хочу другую, – сказала Лёля с твёрдой убеждённостью в голосе. – Я не хочу делать этого и всё. Ты не представляешь, поэтому тебе кажется, что...

– Я не представляю, потому что и мне, как ты говоришь, повезло, никогда я не имел возможности стать отцом... Ни разу в жизни.

– Тебе от этого грустно?

Я не знал ответа на этот вопрос, у меня никогда не было момента в жизни, когда я задумался бы об этом, кроме того времени, когда Лёля была моей, улыбаясь, смотрела на меня и предполагала со мной жить.

Теперь же она, похоже, не хочет жить вовсе... Мы много разговариваем. Я ищу пути к тому, чтобы вернуть себе все утерянные мной позиции. Мне удалось это только в день, когда мужёнок Лёли явился выяснять отношения к больнице, где она работает и около которой мы ждали её в машине.

Это она придумала, чтобы машина привозила и увозила её от больницы, машина и мордороты.

– Зачем тебе это? Ты что-то хочешь показать? Что ты настоящая бандитская маруха?

Она смутилась немного:

– Ну... в этом роде...

Я не стал возражать. Я люблю играть, а уж в игру, которую Лёля придумала из-за меня, тем более. Я сам нередко сопровождал её. Машина довозила нас до дома за три от моего, мы выходили, шли в подъезд и там проходили через очень удобные переходы в наш дом, не замеченные никем. Так что никто, даже эта липовая охрана так и не знает, где мы живём. Осуществлять это мне помогают всё те же пресловутые знания, которыми я обладаю с детства. В данном случае, знания планировки чердаков и подъездов домов на Садовой.

В тот день, когда Легостаев младший явился выяснять отношения с Лёлей я как раз был с ней. Их разговор вышел недлиным, она почти летит на высоких каблуках к машине...

– Расстроилась? – спросил я, и потянулся было к ней, но Лёля предупредительно подняла руку, не позволяя коснуться себя.

– Если так его любишь, простила бы... – внутренне сжавшись, сказал я. Возьмёт и последует моему совету.

– Не в прощении дело. И не во мне. Не за что прощать мне... И не мне вообще судить его. Просто... пусть живёт новой жизнью. Он начал новую жизнь. Та девушка и ребёнок не виноваты, что я так напортила в его душе. Он цепляется по привычке... – вздохнула она.

Мы доехали до дома больше не разговаривая. Поднялись в квартиру, Лёля ушла к себе в комнату. А я...

Я расстегнула платье, сняла пояс, собираясь раздеться. Мне невыносимо было даже слышать голос Лёни, не то, что смотреть на него... не надо Лёничка, не ходи за мной, что я тебе... ты Оле доверяешь больше, чем мне... И... Разве ты не прав? Ведь я предала тебя. Самым низким способом... Кто бы верил на твоём месте?..

Вдруг дверь распахнулась и со стуком ударилась о полки с книгами на стене. Я не успела обернуться, только повернула голову... Игорь налетел на меня как волна наваливается в море, мощно и непобедимо. Я не отталкивала его и не сопротивлялась. Это правильно... Всё правильно... Я пришла к нему не для того чтобы он не касался меня... это, может быть и лучше... Так легче перестать думать о Лёне, о Кирилле о том, что мой мир с ними...

Отдаться страсти – это лучшее лекарство... Тем более Игорь – человек, которого легко любить...

Легко, но ещё несколько месяцев назад мне проще было это делать, и я уже сдвинулась, казалось, по пути к нему. Но я вернулась на «Сушу»... и теперь мне отдельно не жилось. Но от того, что я не могу ответить Игорю тем же, что он чувствует ко мне, я с ним стала нежнее и предупредительнее, чем раньше. Мне хочется подарить ему хотя бы это, хотя бы ласку, если я не могу любить его как хотела бы.

Чувство вины – главное чувство во мне теперь. Я клином вошла между отцом и сыном когда-то, но, и оставив их, я не могу о них не думать, не желать вернуться, понимая, что всё потеряно безвозвратно, что Лёня не только не простил меня, но, испытывая стыд и отвращение от моего предательства начал совсем другую жизнь, которую я снова едва не скосила на корню...

Только Кирилл, похоже, оправился от моего вторжения в его жизнь. Что ж, он взрослый, закалённый человек, это вам не мальчик, для кого я первая любовь, и не тот, кто никогда не влюблялся, как Игорь... Слава Богу, хотя бы он не стал несчастным и разочарованным из-за меня...

Но как выяснилось уже в середине осени, и Кирилл вовсе не свободен от меня... он неожиданно приехал в Первую Градскую в наше Акушерское отделение часов в десять утра, едва закончились все планёрки.

Роженица была всего одна и та уже благополучно разрешилась и отдыхала со льдом на животе, а в остальном предродовая пустовала. Мы с акушеркой, пожилой весёлой тётенькой, Евдокией Семёновной, которую все зовут почему-то Дульсинея, сидели в коридоре, я дописывала историю родов той самой роженицы, а Дульсинея разглагольствовала о старых временах:

– Ох, чтобы раньше мы вот так сидели без дела... Кафедральный роддом... Ординаторы, ассистенты, доцентша, профессор, на одну роженицу по семь человек врачей – это что?! Раньше по тридцать родов за сутки было. И не кесаревых этих теперь любимых, все рожали у нас как положено и никаких разрывов вам, никаких эпизио!.. – вздохнув, Дульсинея добавила, будто подсчитав ещё раз в уме: – А то и по тридцать пять!

Я восхищённо покачала головой, оторвавшись от писанины – представить такое в наше время я не могу. Больше восьми рожениц одновременно при мне не было ещё ни разу. Я посмотрела на Дульсинею внимательнее сегодня, она кажется моложе, чем есть на самом деле, вон и морщинки, меленькой сеточкой на щеках, и холестеринные кольца в зелёных некогда радужках её небольших живых глаз. Только седины немного, или незаметно в светлых волосах?

– Может быть, роддомов настроили много? – сказала я.

– А народу что тоже меньше в Москве стало? – она отмахнулась. – Рожать перестали – вот что! Вот и вы, Елена Николаевна, не обижайтесь только, вот вы и замужем, а что тянете? И другие все... кто карьеры строит, кто... – она вздохнула громко. – Не знаю, в наше время ни памперсов этих «пью и писаю» не было, а рожали! А щас? Совсем бабы с ума посходили... И курят все... Что происходит?!.. О, мужик какой-то! – она удивлённо вглядывается вдоль коридора, – глядите-ка...

Я обернулась и замерла на мгновение, это Кирилл в распахнутом белом халате шёл по коридору к нам в этот коридора конец, где мы сидели за столом у окна серди серого кафеля и серых бумаг. Я встала.

Он улыбнулся:

– Здравствуйте, я профессор Легостаев, за вашим доктором. Профессор Макаров позволил забрать Елену Николаевну на консультацию к нам. Отпустите? – он любезно обращается к восхищённо замершей Дульсине.

Она кивнула, улыбаясь:

– Несомненно...

Всё же Кирилл умеет очаровать кого угодно, даже Дульсинею, которая не очень жалуёт мужчин почему-то.

Ничего не оставалось, как пойти «на консультацию» с профессором Легостаевым. Мы с Кириллом двинулись по коридору от стола, выдавшего виды, и заставшего, думаю, не только Брежнева, но и Хрущёва, возле которого так и осталась сидеть Дульсинея, я чувствую, как моя пожилая акушерка смотрит нам вслед. Впрочем, я сразу перестала об этом думать:

– Что... что-нибудь случилось? – я замираю от мысли, что могло привести Кирилла сюда.

– Случилось, соскучился безумно, вот что случилось. Нельзя так со стариком, – он улыбнулся, обнажая крепкие белые зубы, кокетничает, «старик».

– Ох и демон ты, Кирилл! – я покачала головой.

А он только улыбается, искря глазами:

– Я правда отпросил тебя на весь день, поедем, по... позавтракаем что ли?

– Отпросил? – засмеялась я. – Обаяние безотказно?

– С Макаровым вашим мы однокурсники. У нас одна alma mater. Так что, без всякого обаяния, на одних ностальгических чувствах.

Неожиданно для себя самой я рада ему. Тому, что вижу его, такого, каким я люблю, лёгким, весёлым. Он никогда не постареет с таким нравом.

И мы поехали бездельничать на весь день. Я позвонила Игорю и сказала, что сегодня машины не надо, что я приеду сама. Я делала так, когда дежурила или встречалась с моими милыми подругами Милой и Люсей, хотя это и случалось нечасто.

В кофейне мы с Кириллом продолжили разговор всё в том же игривом тоне, будто я и не уходила никуда из нашего общего дома. Будто мы и не расставались вовсе. Он рассказывает, как поругались два ассистента на его кафедре из-за темы для статьи, при том, что работу, о которой оба намеревались писать, делал вообще третий человек.

Кафе это на Старом Арбате, по которому мы прошли с ним перед этим пешком, в старинном сером доме. Это новое кафе. Я давно не бывала на Арбате. Он изменился ещё больше от того, что я помню с перестроечных времён, и даже с начала девяностых и теперь – ювелирные и антикварные лавки, палатки матрёшечников. Художники только с шаржами, никакого вернисажа, но хотя бы торговля военной формой и всей советской атрибутикой свернулась, всё продали что ли?

Кирилл усмехнулся на это, но не слишком весёлой усмешкой:

– Никогда всё не будет продано, – сказал он и взгляд у него светлый без печали.

Мы вышли на улицу опять, холодно, я поднимаю капюшон пиджачка из меха норки на голову.

– Красивая шубка. Мои подарки носить отказалась, значит, категорически, а Стерху позволяешь одаривать себя? – ревниво сказал я.

Она улыбнулась, отодвинула волосы, убирая за ушко, чтобы показать мне, и я увидел звёздочку-серьгу, из тех, что я подарил ей когда-то. Это маленькое ухо, шея, лёгкие завитки волос... я прижался губами к её шее, притянув её к себе. Как ни удивительно, но она не отстранилась, напротив, повернула лицо ко мне, близко глядя в моё лицо и касаясь моей щеки ладонью, поощряя на продолжение... и даже легонько притягивая мою голову к себе.

И я поцеловал её в губы... И мы целуемся, стоя посреди Арбата... Целовать тебя, Лёля... Боже мой, когда я целовался в последний раз?! Когда ты ушла...

– Идём! – я взял её за руку.

– Идём? Куда? – смеётся Лёля...

...Такого у нас не было раньше. Раньше, когда мы уже были любовниками. Никогда не было так, потому что теперь ни Лёля, ни я не думали о том, что мы предатели, что мы преступники, что то, что происходит между нами, это чудовишно... больше ни о чём таком мы не думали.

Я чувствовал, что она любит меня, быть может, во мне получая часть Алёши, но разве имело значение, почему она меня любит?.. И я не испытывал больше постоянного гнетущего, почти уничтожающего чувства вины. Я устал от этого. Думаю, и она тоже.

И я никогда не был таким живым. Даже, когда она была со мной прежде. Теперь она не страдала больше, она была со мной и всё...

Отдаться чувству, которое живёт в тебе много лет, то прорываясь наружу, то прячась, то сгорает всё и утопает в той огромной всепоглощающей любви, что заполняет мою душу всю мою жизнь... Но та любовь под страшным запретом, как под заклятием, заперта, запечатана в темницу, в глубокий подвал, почти похоронена, и даже не мной, я никогда не отказалась бы от неё, но самой жизнью, и не может мешать теперь мне стать огнём, водой, воздухом, плотью, голосом, вскриком, улыбкой, шепотом... всем, чем хотел бы меня чувствовать Кирилл. Хуже, чем теперь, обо мне всё равно думать уже нельзя, теперь мне всё остальное безразлично, теперь я счастлива его счастьем... Люби меня, люби меня, как ты хочешь, я стану любить тебя так, как хотела всегда и не позволяла себе даже думать об этом... даже видеть во сне...

...– Что это за ужасная квартира? – смеясь, спросила Лёля, оглядываясь вокруг. – Твоя?

– Чёртову уйму денег стоит, между прочим, – сказал я.

– Не сомневаюсь – Арбат. Но... ты... девок небось водишь сюда?

– Если скажу – да, обидишься?

Лёля засмеялась, смешно прыснув:

– Нет. Много тут было?

– Вообще-то я только намеревался начать «водить сюда», как ты говоришь. Я купил её весной. Но... ты вернулась... и водить опять расхотелось.

Она смеётся, уже сгибаясь, собирая уже смятую нами простыню на матрасе:

– Так уж... прямо ни с кем не был!.. Ребёнка сделал бывшей жене между делом... Много их у тебя? Девушек твоих?

– Три. Нет, четыре. Нет, пять... – я сам начинаю смеяться вместе с Лёлей.

...Она обнимает меня, улыбаясь глядя мне в лицо:

– Люблю тебя ужасно, Кирюшка! Есть вещи, которые нельзя не делать. Например, нельзя не любить тебя.

– Да можно! – я накрыл своей её руку, – твоя мать, например, меня не любила.

– Ещё как любила! – воскликнула Лёля. – Если бы не это, меня, может, и не было бы!

Она вышла за моего отца, чтобы отомстить тебе за твою Наташу. И любила тебя, пока дядю Валеру не встретила. Не представляешь, сколько разнообразных маминых мужей я знала до пятнадцати лет!

– Ты не похожа на Юлию, – я люблю её.

Лёля опять засмеялась:

– Сомнительный комплимент! – намекая на Юлину бесспорную красоту.

Я засмеялся тоже, поворачиваясь к ней всем телом:

– Я люблю тебя, – я касаюсь ладонью её горячих над шеей, влажных волос.

– Почему? – она так красива сейчас, как никогда не была. Будто освобождённой, яркой, яростной красотой. Как раскрывшийся цветок. Алый, благоухающий цветок...

– Разве можно знать почему?

– Ты скажи мне, – её глаза светятся.

– Я знаю, почему ты любишь меня, – говорю я.

– Не знаешь. Я сама этого не знаю... ты только... ты не люби меня слишком сильно, а то я героиней трагедии себя чувствую всё время. Выпусти меня из тюрьмы хотя бы ты.

Я засмеялся:

– Ты считаешь меня легкомысленным ловеласом?

– Конечно! – она тоже смеётся.

Но потом становится серьёзной, глядя мне в лицо говорит:

– Стало так мало воздуха, Кирилл... Давай вдохнём?.. Отдадимся ветру?.. и не будем ни планировать, ни договариваться ни о чём? Никаких прав и правил...

– Это... сложно. Это куда сложнее, чем с правилами. Сможем?.. – улыбаюсь я.

– Можно всё, если захотеть.

Часть 12

Глава 1. Рядом

Я отпустила вожжи, перестала всё время обвинять себя. Не потому что я не чувствовала больше своей вины. Нет, я просто смирилась с ней. Ты видел меня такой, я такой стала. Я согласилась. Я всегда хотела быть такой, как хочешь ты.

И для Игоря я теперь стала куда более приятной подругой. Смертельная тоска ослабила хватку. И работалось мне теперь легче. И даже поздняя осень не наводила обычной грусти. Вот так – дрянью, оказывается, жить слаще...

В арбатской норе у Кирилла я навела уют, как умею, может быть, только я. Очевидно, раньше здесь была коммуналка, но её уже после этого, после расселения, пытались сделать евроремонтной модной квартирой, но у прежних хозяев, судя по всему, не хватило денег закончить, сейчас таких квартир очень много, даже целых домов.

Многие покупали новые квартиры, а теперь продают, потому что не хватает средств или заплатить полную стоимость, особенно после дефолта и взлёта цен, или, если и выплачено всё, то на отделку денег уже не осталось. Многие новые дома остаются почти не заселёнными именно поэтому, и стоят призраками.

Вот такой сироткой оказалась и эта квартира. Правда, ещё до дефолта. Большая часть перегородок была снесена и две комнаты были огромными метров по тридцать, по три окна, но остались ещё три, которые должны были стать, видимо, ещё одной комнатой. Стены в комнатах и в кухне не успели даже толком выровнять, в одной ободрали до кирпича и дранки, в другой только оштукатурили, как и кухню, где царила старая плита «Ленинград» на длинных тонких ножках, похожая на странную этажерку, удивительным образом сохранившаяся здесь, и старый-престарый стол в окружении трёх табуреток с облупленными, когда-то лакированными ножками. И ещё такой же буфет-пенсионер.

Всё это я отмыла с «Пемоксолью» и эта мебелишка стала симпатичной и на кухне стало приятно пить чай или съесть то, что мы покупали иногда в арбатских кафешках.

Только ванную прежние хозяева успели отделать по-царски: джакузи и душевая кабина, биде и унитаз, больше похожий на трон фараона. Всё это на фоне тёмно-зелёного, почти чёрного камня на стенах и полу. Эта ванная казалась золотым зубом во рту бродяги...

Я купила посуду на кухню и постельное бельё. Стирать его мы отдавали в прачечную здесь же, в одном из переулков. Штор опять не было на окнах. И люстр на потолках, лампочки горели беззастенчиво, а улица заглядывала фонарями сюда, на третий этаж. Но настольные лампы я тоже приобрела, как и всё остальное в «Британском доме на Арбате» по соседству. Мне доставляло большое удовольствие наводить здесь уют. И Кириллу льстит моя забота.

Мы встречались каждый день. А иногда не виделись неделями. Расставаясь, мы не договаривались о следующей встрече. И это стало правилом. А ещё непреложным законом стало то, что мы никогда не говорили о будущем, об Игоре и о Лёне. Всё же без правил не обошлось, неписанных, не оговорённых, но от этого ещё более неукоснительных...

Наверное, честная и хорошая благородная девушка ушла бы от Игоря, чтобы не создавать этого ложного положения. Но я не хотела этого... вот так. Не хотела уходить, хотела быть с ним, так же как и с Кириллом. Между двоих мужчин только и было можно делать вид, что мне не нужен больше Лёня.

И к тому же, через день после нашего с Кириллом первого неожиданного свидания, произошло событие, которое привязало меня к Игорю надёжнее любых других обязательств.

Ко мне на работу пришёл небольшой благообразный человек с тихим голосом и попросил уделить ему время для разговора. Так и сказал, чем уже вызвал удивление и даже некоторую оторопь во мне. Когда же мы с ним остались вдвоём в ординаторской, он показал мне удостоверение, в котором кроме букв ФСБ, я ничего не разглядела, и заговорил вкрадчиво и с мерзкой ухмылочкой:

– Вы, Елена Николаевна, интересуете нас как сожительница Игоря Стерха. Вы знаете, чем он занимается?

– Занимается? Он бизнесмен, – я говорю это, потому что я хорошо осведомлена обо всех мыслях Игоря о ФСБ, хорошо, что он в своё время посвятил меня в них, иначе я растерялась бы сейчас и могла бы... поддаться на этот разговор, поверить этому человеку, который явился, чтобы сделать меня агентом против Игоря. Я поняла это сразу именно потому, что была готова. Спасибо тебе, Игорёчек, что ты посчитал меня достойной знать то, что составляет твою жизнь. Я сразу обратилась в слух и зрение, чтобы запомнить всё, что скажет мне этот неприятный человек.

– Значит, бизнесмен? – высокомерно усмехнулся Захарчук, а именно так была фамилия этого серого господина. – И каким же бизнесом он, по-вашему, занимается?

Я надула губы, изображая смущение, вообще, чем глупее я буду выглядеть, тем лучше. Захарчук, очевидно, заранее имел представления обо мне и сделал выводы о моём недалёком уме и я не собиралась разубеждать его:

– Ну... не зна-аю, я не интересовалась, – протянула я.

– Странно, а нам показалось, вы очень близки со Стерхом, – прищурился Захарчук.

Я хмыкнула, изображая легкомыслие:

– Станный разговор. Близки, конечно, но зачем мне интересоваться его бизнесом? Для чего мне вникать? Я ничего не понимаю ни в каком бизнесе.

Захарчук улыбнулся, неприятно близко придвигаясь ко мне, обдавая своим запахом, у меня тошнота подкатила к горлу.

– Ну, хорошо, Елена Николаевна, будем считать, что вы не знали до сегодняшнего дня, что ваш сожитель Игорь Стерх, один из крупных дельцов так называемого теневого бизнеса. Контроль за теми, кто торгует здесь девушками, наркотиками, оружием – это только часть его влияния.

– Наркотиками... да этого не может быть! – во мне актриса умерла!

Так здорово я выпучила глаза. Честно сказать, я развлекалась от души, при этом испытывая сильнейшее напряжение всех душевных и умственных сил.

Захарчук опять улыбнулся, его блёклые зеленоватые глаза, на таком же, зеленоватого оттенка лице, сверлят меня, пытаюсь проникнуть в глубины. Вот только в глубины чего? Моих мыслей? Там стоит зеркало моей глупости, и все его взгляды отражаются тут же обратно ему в глаза...

– Так что вы понимаете, насколько он опасный человек.

– Что же вы от меня-то хотите?! – будто чуть не плача, проговорила я, хлопая накрашенными ресницами, от туши становящимися у меня невероятной длины.

– Вы должны помочь нам, – вкрадчиво, как с двухлетней, сказал он. – А вернее, ему самому помочь прекратить эту опасную и вредную деятельность.

Это хорошо, что он говорит со мной как с дегенераткой. Так он откроет карты, не опасаясь выдать свои истинные мотивы.

– Вы поможете нам, а мы поможем ему, – Захарчук улыбается. – Вы его любите?

– Конечно, – не раздумывая сказала я. – Но как же я могу помочь вам? Я даже не понимаю... Уговорить его, что ли?! Он меня любит, может и послушает... – я таращу глаза как можно правдоподобнее.

Захарчук усмехнулся даже добродушно, наверное, мой идиотизм начинал выглядеть мило.

– Для начала, где вы с ним живёте? – Захарчук снова начинает сверлить меня глазами. Будто в глубине надеется найти

месторождение полезных ископаемых.

– На Садовом кольце, – я хвастаясь, складываю ручки. – У Игоря хорошая квартира с евроремонтом...

– Ладно, допустим, – он достаёт из кармана несколько каких-то маленьких плоских чёрных шайбочек в тёмно-серой коробочке. – Знаете, что это?

– Электронные блохи? – усмехаюсь я.

После этих моих слов, Захарчук стрельнул в меня взглядом острым и злым, его рот кривится и он говорит будто сквозь зубы:

– Это поможет нам проникнуть в замыслы тех, кто сбивает вашего... э-э вашего гражданского мужа...

– Мы не женаты, мы друзья, – сказал я.

– Ну, значит, вашего друга, – с кривой ухмылочкой говорит Захарчук, – кто сбивает вашего друга Игоря Стерха с честного пути. Когда вы снимете снизу вот эту плёночку, микрофон включится и его можно приклеить и на одежду в незаметном месте и в машину, и в вашем доме... Игорь встречается там со своими друзьями?

– Нет, он не любит, он... он... – что придумать? Я изобразила смущение: – он ревнует и не хочет, чтобы его друзья приходили к нам домой. Он... я не знаю, где они встречаются... и... я думаю, он мне не скажет...

– Я и не прошу вас это узнавать, просто прикрепите эти микрофоны в разных местах, этого будет достаточно.

Я смотрю на него, я «смущаюсь», я должна противоречить, иначе меня заподозрят:

– Мне не очень нравится это... А если Игорь поймает меня за этим?

– Постарайтесь, чтобы не поймал, – с небольшим раздражением произнёс Захарчук. И обо мне ничего не говорите, конечно...

– Мне не нравится, что я должна будто бы следить за Игорем... Это как-то нехорошо.

Захарчук ещё больше позеленел лицом и достал из внутреннего кармана пиджака конверт:

– Нехорошо?.. Я покажу вам, что правда нехорошо... – может, и его от меня тошнит, как меня от него?

В конверте фотографии, он выкладывает их передо мной, одну за другой. Это всё фото с мест убийств. На них трупы с простреленными головами, грудями, кровавыми ручьями и брызгами, фото страшные и отталкивающие в своей неприкрытой натуральности.

– Зачем это... – лепечу я, чувствуя, как бледнею уже вполне натурально.

Захарчук смотрит на меня по-прежнему, будто хочет насладиться моей реакцией, и последней кладёт фотографию, на которой я и Кирилл на Арбате... а встреча наша была позавчера...

– У меня есть картинка куда более интересная, чем эта, где вы с профессором Легостаевым просто идёте рядом. Показать? – он смотрит на меня, потом прячет фотографии: – Вы красиво целуетесь... – он пять смотрит на меня. – Все эти люди убиты по прямому или косвенному распоряжению вашего сожителя Стерха, думаете, он пощадит вас и особенно вашего бывшего свёкра, когда увидит ваш с ним красивый эротичный снимок?

– Зачем вы пугаете меня? Я всего лишь слабая женщина, – я говорю дрогнувшим голосом.

– Вы не слабая женщина, вы любовница крупного преступника и я прошу вас помочь мне... – вытянув губы в ниточки, цедит он, теряя терпение от такой дуры как я, – помочь нам убережёт его от ещё больших преступлений...

Я не волновалась, как мне казалось, после того как Захарчук ушёл. Но меня затрясло так, что я едва дождалась Игоря. Я думала только об одном: поскорее поговорить с ним. Но только как это сделать? Как быть уверенной, что нас не слышат эти захарчуки...

К счастью, Игорь приехал сегодня за мной. Как всегда охранники, сверкающая лаком, похожая на чёрный кусок мыла, машина. Игорь улыбнулся своими невозможными глазами, из глубины салона глядя на меня... Я села рядом с ним, близко к нему. Я притягиваю его к себе, я хочу, чтобы он поцеловал меня. Мы не целуемся при охранниках никогда, я хочу, чтобы Игорь понял, что сегодня, сейчас, всё не так как всегда...

Я понял. Я сразу по ней понял, что случилось что-то. И поэтому я услышал сразу то, что она прошептала мне в самое ухо, но так тихо, что я сильнее почувствовал её дыхание на моей щеке, чем звук её голоса:

– За тобой следят ФСБэшники...

Я посмотрел в её лицо. Она увидела, что я всё услышал, и кивнула... Я приложил палец к её губам, тёплым, мягким... что ж, пусть парни думают, что мы с ней не в силах терпеть до дома, и я поцеловал её снова, вполне наслаждаясь процессом...

Мы вошли в подъезд, возле которого нас каждый день оставляют гориллы охранники. Я посмотрел на Лёлю, хочу, чтобы она поняла, что мы поговорим, как только войдём в квартиру, там жучков нет, в этом я уверен. Пока мы своими «заячьими» путями доходим до двери моей квартиры, я держу Лёлю за руку. Я сжимаю её, ставшую холодной от волнения, руку.

– Не бойся, – только и сказал я, обернувшись к ней. Лёля смотрит на меня, зрачки разошлись до самых краёв от волнения. «Не бойся» слабое утешение и я понимаю это.

– Ты должен рассказать мне всё. Всё абсолютно, только так я смогу...

Мы вошли в квартиру. И, заперев дверь, я включил электронный глазок, который не использовал ещё до сих пор. Эта миниатюрная камера, установленная высоко над дверью в мою квартиру, на экране компьютера я могу видеть то, что у моих дверей, ещё две камеры смотрят во двор и на улицу напротив окон. Я установил эту систему с тех пор как начал мою двойную жизнь, но никогда не включал, только в самом начале, в тестовом режиме, как говориться. Теперь пришло время этой системе начать работать. Хорошо всё же, что «играть в шпионов» я начал заранее.

И всё же говорить в любой комнате об этом опасно, они могут знать, где я живу, и снимать звук с оконных стёкол. Поэтому я, сбросив верхнюю одежду в прихожей, я оглянулся на Лёлю, и мы ушли в ванную.

– Ты думаешь, что в квартире...

– Нет, – я включил воду. – Но мы не должны рисковать.

Лёля достала коробочку с микрофонами из кармана и отдала мне. Я посмотрел на неё:

– Где сказали прикрепить?

– Везде, где смогу.

– Испугалась? – я посмотрел на неё.

– Испугалась? – Лёля не поняла, похоже. Правда не боится? – Что они мне сделают? Я за тебя испугалась. Ты... ты всё расскажи мне. Всё подробно и до конца, тогда я смогу не проколоться, я сегодня только потому и не подвела тебя, что чуть-чуть в курсе твоих дел.

– Это опасно.

Но она смотрит так, будто я говорю несусветную глупость. Я понимаю, что она права. Удивительно, но в ситуации, когда я, кажется, должен был бы опасаться дать ей информацию в руки, я доверился ей полностью. Здесь, в ванной под шум воды я рассказал всё, всё, что я делаю сейчас, над чем работает и чего уже добилась моя команда. Чего стоит каждый офицер ФСБ, из

принимающих решения. И что я ищу и найду, как подобраться к тому, кто сможет использовать собранную мной информацию и, может быть, ему я понадобится, как был полезен когда-то Гаранину.

– Так вот почему... – проговорила Лёля, расширенными зрачками глядя на меня. – А... тебя не могли предать те, кто работает на тебя? Откуда узнали, за кем вы следите? – Лёля сидит на табурете, куда мы обычно кладём одежду, раздеваясь здесь. А я сижу на полу, подняв колени. Я посмотрел на неё снизу вверх, похоже ей и в голову не пришло «предать», как она выражается меня. Мы будто на фронте. Но разве это не так? Разве те, против кого я веду игру лучше тех же фашистов?..

– Почему ты... почему ты не сдала меня?

Лёля засмеялась:

– Как же я могу предать мою «Любку Шевцову»?

– Что, не пугали тебя?

– Пугали... – она опустила голову, мне не хочется думать о том, ЧЕМ её пугали. И она спросила: – Ты... убивал людей?

– Сказали, что убивал?

Она смотрит так, что солгать я не могу:

– Своими руками никогда, – сказал я, опуская голову. Я не хочу, об этом говорить, не хочу, чтобы она знала, что я всё же монстр... Но она должна всё знать, всё до конца, иначе, и тут она права, она не сможет помочь по-настоящему.

– Много? – Лёля бледнеет и глаза во всё лицо, громадные, чёрные от зрачков.

Это непросто – выдержать этот её взгляд.

– Разве важно сколько, если был хотя бы один? – я потёр лицо, будто меня щекочет что-то, будто нервная судорога сводит мои черты, опустил голову, не в силах выдержать её взгляд.

Я не боюсь, что она сдаст меня из-за этого. Я боюсь, что стану ей противен... Я вырвал её из её счастливой жизни с тем, кто ей походит, кого она любит и привязал к себе, опасному во всех отношениях типу с руками, обагрёнными кровью... Правильно всё же, такие девочки как она не водятся с такими, как я...

Но она всё же... всё же подошла ко мне и опустилась рядом. Ладони на плечи. Уже тёплые, не ледяные как перед этим... И глаза не холодят.

– Почему ты... почему ты не сбежала ещё?

– Потому что ты доверяешь мне... – ответила Лёля.

Теперь наша с Игорем жизнь стала ещё более странной, чем раньше. Ко всем прежним конспиративным штучкам, добавилась ещё необходимость время от времени вести очень глупые разговоры.

Игорь купил комнату в квартире в том подъезде, куда мы входили с ним, оставляя охрану, все должны «знать», что мы здесь живём. И здесь мы разговаривали о том, что я купила сегодня, что я делала на работе, что мы будем делать вечером... спектакль становится частью нашей жизни.

Так проходят недели. Игорь говорит, что хотел бы, чтобы у меня появилась настоящая охрана.

– С ума сошёл? – испугалась я, ещё и правда вздумает приставить ко мне кого-нибудь, – и потом это лишние сведущие люди. Зачем это теперь?

– Я следил за тобой, – вдруг сказал Игорь.

– Что?

– Я следил за тобой, пока мы не жили вместе.

– Господи... Зачем?

– Я тосковал, мне было... было мало наших встреч...

Мы сидели с ним на кухне, ужин давно закончен, а поздний чай это то, что у нас осталось из вечерних развлечений, потому что в клубы мы не ходим больше, но всё же гуляем и ходим в кино, как школьники.

Игорь смотрит на меня как мальчик – не как всегда, как взрослый, намного более взрослый, чем я человек, сейчас он смотрит так, будто я старше и сильнее.

– После всего... Теперь... после всего, что ты узнала обо мне... ты ещё хочешь быть со мной?

– Я же здесь...

– Ты ещё хочешь меня?

Я засмеялась:

– Ну... в общем, да.

Я приезжала в Н-ск один раз за осень, бабушка Вера атаковала меня вопросами о том, что опять происходит с нами с Лёней.

– Мы разошлись. На этот раз насовсем.

Я смотрю на свою внучку, такую красивую, что глядя на неё кажется, что попадаешь в сказку, и ничего не могу понять. Этим летом они бывали в Н-ске с Алёшей несколько раз, всем нам казалось, что всё наладилось между ними, что всё выяснилось и уладилось между всеми троими с Кириллом. Я вообще решила уже, что ничего там не было, что разлад произошёл тогда из-за слухов, подобных тем, что ходили о Лёле и Валерии когда-то. Признаться, я так и думала.

Но почему они разошлись снова?! Ведь очевидно, что они друг друга любят. Они так друг друга любят, что мой дом будто заполнялся жизнью, теплом и светом в те дни, когда они бывали здесь. И как они могли разойтись?!

Дурная новость о наших детях дошла после дефолта. Это падение рубля сказало на нашей семье особенно, потому что Валерий в начале лета купил новую машину, а деньги брал в долг в долларах... Так что сразу оказался в финансовой яме. К счастью занимал он не у тех, кто не стал бы ждать и поставил, как сейчас говорят «на счётчик», это были слова Валерия.

Но этого будто было мало, они с Юлей надумали сменить квартиру, и вложили деньги в строительство новой, а оно «замёрзло» и появились слухи, что деньги украли и прав у несостоявшихся собственников нет никаких. Всей семьёй они переехали жить ко мне...

Но это как ни странно только улучшило наши отношения. И я теперь лучше знала то, что происходит между Леночкой и Алёшей, потому что с Алёшей поддерживал очень тесную связь Валерий. Но я знала только факты. А что такое факты в любовных делах?

– Не понимаю... Валера сказал, ты вернулась к этому... к этому бандиту? С чего это?

– К осени стало холодно жить в «гараже», – усмехается Лена, при этом хмурясь.

– Вернулись бы к Кириллу. Ведь недоразумение с ним закончилось...

– Недоразумение?! – вдруг воскликнула Лена, разгоняясь будто, но тут же будто сбросила обороты своего истребителя и раздумала взлетать. – Да и... какая теперь разница?

– Как это?! – но я понимаю, что вопрос действительно глупый. – Ты любишь... любишь Алёшу, почему ты...

– Бабушка... Важно ведь ещё кого любит сам Лёня, верно? – Лена посмотрела на меня тёмно-серыми глазами, бездонными, бескрайними. – Лёня... У Лёни... У него будет... скоро... ребёнок скоро будет у Лёни, и ту девушку он любит. Вот так-то... Так что, пожалуйста, не спрашивай ничего больше.

– Не может этого быть, чтобы Алёша не любил тебя.

Но Лена рассмеялась, хотя мне и казалось, что на ресницах при этом у неё блеснули слёзы.

С Валерием об этом я заговорила, когда Лена уехала. Оказалось, он не знает о том, что Алёша нашёл новую девушку... и о ребёнке тем более.

– Среди всего ещё и это... – сказал Валера. Потом посмотрел на меня: – Вера Георгиевна, оставим их в покое? Им по двадцать пять... ей-Богу, сил нет пытаться понять, что они творят... Мне Алексей сказал, что Лёля ушла опять к Стерху из-за денег... дефолт этот и всё остальное... может и правда... деньги, знаете ли...

Бедный Валера, как он устал... Я отстала от него со своими печальями и заботами, разговорами, душевными терзаниями за Леночку. Он вынужден был теперь подрабатывать извозом, кроме того, что работал на заводе, где зарабатывал неплохо. Но теперь надо было отдавать долги... Я оставила его в покое, действительно, не до того ему сейчас, чтобы разбираться в любовных брожениях ещё и моей внучки...

Я пыталась поговорить с Ларисой об этом, но та выглядела смущённой и уходила от ответов, очевидно, считая виноватой Лену. Когда же я спросила о ребёнке, Лариса почти зло ответила:

– Я не знаю, Верочка, чем тебя утешить... Мне самой всё это не по душе, но они ведь нас не спрашивают...

Лёня явился всё же снова в Первую Градскую. Двадцать третьего декабря. В этот день выпал снег, после долгой оттепели, я спешила, потому что Кирилл ждал уже меня, а я никак не могла уйти сегодня, как рассчитывала, у меня оставалось совсем мало времени.

Очевидно, что Лёня выбрал этот день, потому что меня не встречал автомобиль с охраной... Я узнала Лёнин голос, окликнувший меня, вздрогнув и заполнившись жаром от этого голоса, я едва не упала на неверном слое пушистого снежка, покрывшего дорожки.

– Извини, мне недосуг говорить сейчас, у меня свидание! – я никогда не скажу Лёне, что встречаюсь с Кириллом, разбивать их опять этим – это последнее, чего я хочу.

Но Лёня идёт ко мне через дорожку.

– Лёля!

– Ты отвалил бы...

– Остановись, послушай!

– Я же сказала, меня ждут! – я не в силах смотреть на него, мне больно даже от его голоса... – Ты не ходи за мной, достал уже! – я ни с кем и никогда не говорила так грубо... Тем более с ЛЁНЕЙ! Будто целая планета приблизилась ко мне, я не глядя чувствую его...

– Лёля! – он попытался поймать меня за руку, – да послушай, что я скажу!

– Иди ты к чёрту, Легостаев! Я не хочу ни видеть тебя, ни слушать, меня ждёт человек, которого я люблю! И я опаздываю!

– Шлюха ты чёртова! Стой! – закричал Лёня, взрываясь.

– Да пошёл ты! – я убежала... ещё одно слово, один шаг, один мой взгляд ему в глаза, просто в лицо и – конец, я не сдвинулась бы с места. Осталась бы с Лёней. Но на что это Лёне? – О разводе по почте можешь уведомить! Я всё ещё в общежитии прописана, – крикнула я, не оборачиваясь.

– Вот дура-то! Остановись! – кричит он вслед...

Я убежала. Но на Арбат я не поехала. После этой встречи я не могла, как ни в чём, ни бывало поехать к Кириллу... Поэтому я вышла из метро на Смоленской, как и намеревалась, но пошла не в сторону Арбата, где на середине улицы меня ждёт Кирилл, но я не могу сейчас увидеться с ним... Да вообще ни с кем. Только с Милой. Я знаю, что она любит гулять с Кирочкой в парке на Пресне, недалеко от своего дома. Как раз время около четырёх, пока дойду...

Я сразу нашла Милу. Какой-то долговязый молодой папаша кокетничал с ней, пока Кирочка в ярко-розовом комбинезончике с длинным белым мехом на капюшоне и ещё один малыш, мальчик этого самого папаши, очевидно, лопатками раскидывали свежий снежок с

дорожки. Они примерно ровесники, эти малыши, вид у них совершенно очаровательный, просто загляденье.

Миля улыбалась, понятно, парень этот, с которым она гуляет, нравится ей... Похоже, я некстати. Меня Миля заметила не сразу, кивнула своему приятелю и отошла ко мне:

– Лёлька, ты чего? Просто так? А мы тут...

– Я мешаю тебе?

– Нет, если Серёжке не скажешь, что видела нас с Олегом.

– Так серьёзно, целый Олег уже? – усмехнулась я.

– Симпатичный? – спросила Миля, глаза блестят.

– Симпатичный, – улыбнулась я, чтобы не злить подружку, хотя я вообще не разглядела дела этого её кавалера. До того мне, когда у меня свинец в коленях до сих пор от Лёниного «визита»... Это никогда не кончится...

– Ты как? – Миля посмотрела на меня. – Шубка новая опять, и сумочка, Игорёк, как я погляжу, парниша щедрый. Квартиру не покупает ещё тебе? Он тебе всё купит, что ни пожелаешь, втюрился крепко, – Миля усмехнулась. – Надо же, ещё с той моей первой свадьбы... А ты ещё бегала от него тогда, дурында. Кстати тот Серёга мой, совсем опустился, наркоманит...

– Ты видишь его?

– Нет, ребята-одноклассники говорили. Ты насчёт квартиры подумай, чё теряешься-то?

– На что мне квартира, Мил? Живём в его квартире и...

– Это детей пока нет, а будут, поймёшь, зачем квартира, назидательно проговорила Миля, как опытная дама. – Замуж пойдёшь за него? Или боишься, что он после свадьбы в Арвида превратится? Не волнуйся, Игорёк хоть и был оторвой всегда, но он добрый, кошек с деревьев снимал, собаку уличную один раз машина сбила, так он на руках в ветеринарку нёс, выходил потом, она жила у них, хромоногая, лет... пять, наверное. Так что замуж можно, он добрый, как Серёжка мой. Да! Кстати, диск-то у наших вышел, у тебя есть? – мне стало забавно, как она перескакивает с одного на другое.

Не было, конечно, у меня диска. И Миля полезла в сумку, висевшую под ручкой у коляски.

– Сейчас... Думала, послушаю, если Олег не придёт сегодня. Он парень хороший, жена стерва...

– Жёны всегда стервы, – усмехнулась я.

– Это точно. Кроме нас, правда?

– Да, мы суперстервы! – усмехнулась я.

А Миля тем временем достала плеер, вынула диск и переложила в плоскую коробочку:

– Держи, жаль, тебя не было на презентации, мы веселились отменно. Эта Лёнькина Оля, конечно... Но, как говорится, не мы выбираем девушек нашим друзьям, верно? Люське тоже не понравилась.

– Они... Они живут вместе? – дрогнув, спросила я, разглядывая обложку, на ней какая-то готическая горгулья и название альбома и группы. Альбом они назвали «Смерть – невеста»

– Кто? Лютер и эта Оля? Да кто знает? Спрашивать не будешь же... Она же не подружка мне как ты, это тебя я могу спросить обо всём, а эта девица... – Миля помолчала, подбирая слово: – Не нашего круга, как говорится.

«Теперь вашего...» – подумала я, но говорить не стала ничего, я не в силах продолжать разговор о Лёне. Поэтому я спрашиваю Милу о работе, с лета она проходит интернатуру по эндокринологии. Она шутит, что профессор Потёмкин не зря тройки ставил, научил уважению к предмету.

– Хотя ты знаешь, довольно скучно, высчитывай дозы и...

Дальше мы болтали об эндокринологии и акушерстве, смеялись над малышами, затеявшими неловкую возню-битву за лопатку. Звонок сотового прервал нашу беседу. Это Кирилл. Я ответила, отойдя на пару шагов:

– Ты куда пропала? Я тут... Господи... испугался, честно говоря...

– Прости, Кирюшенька, я... я сегодня опоздала, не приду. Извини, что не позвонила раньше. Давай завтра? В это же время?

Я вижу, что Милин кавалер мнётся, поглядывая на нас.

– Ладно, Милуша, я пойду, пожалуй?

– Приходи, я каждый день тут в это время.

Мы с Милой поцеловались, и я отправилась обратно на Садовое кольцо, чтобы меньше чем через час добраться до дома. Интересно, Игорь пришёл уже?..

Но не успела я подумать, что же купить и приготовить на ужин, как возле меня остановилась машина и меня, втолкнули в неё, грубо наклонив, почти пинком.

В затенённом салоне на заднем сиденье уже сидит какой-то здоровенный человек, а второй, что толкал сзади, притискивает меня с этой стороны. Наконец, я попробовала закричать, но мне зажали рот сзади, и стали лапать грубыми заскорузлыми руками, царапая шелка и кашемир моих одежд и белья, добираясь до кожи... Я взялась драться, размахивая руками, не позволяя хватать себя, хотя рук у них так много, но сейчас сильнее я. Я вывернулась и укусила ладонь, которая зажимала мне рот, громадная солёная жёсткая лапа...

Укушенный взвыл и схватил меня за волосы, отгибая так, что странно, что не оторвал голову:

– Порву, сука! – прорычал он мне в ухо.

– Успеешь ещё, Ковыль, – Захарчук повернулся с переднего сиденья.

И смотрит на меня всё с той же ухмылочкой, с какой приходил в прошлый раз.

– Добрый вечер, Елена Николаевна, – он мерзко улыбнулся. – Сейчас мои ребята потешаться с вами, чтобы вы стали попонятливее. Их трое, все крепыши... – и, меняя тон с елейнотошнотворного на свистящий злобный продолжил: – Играть вздумала с нами, б... медицинская?! Почему мы ничего не слышим, которую неделю?!

– Откуда... мне знать?.. – задушено проговорила я. – Я... на все пиджаки его... и в ма... в машине... в обеих, – я морщусь, волосы, вырываясь, по одному в пальцах пахнущего потом, гадким одеколоном и машинным маслом укушенного, причиняют боль...

Захарчук кивнул подручным и они «приступили к делу», но я в таком отчаянии рвусь из их рук, что Захарчук повернулся и остановил их, а у меня сердце уже в голове бьётся, готовое лопнуть:

– Смотри, не финти больше нам, если узнаю, что хоть звук пикнула Стерху, сегодняшнюю встречу будешь считать приятной прелюдией. И ещё... В морг поедешь любовничка-свёкра опознавать и муженька, золотого мальчика. Как-нибудь пострашнее уьём обоих. Или молодого не очень и жаль тебе? Его оставить, может? Пусть ещё с женой-шлюхой помается? – и ржут. Все четверо ржут, заполняя тесное и тёмное пространство испарениями своих адских ртов.

– Всё поняла?! Елена Николаевна?! – Захарчук кивает укушенному: – проводи, Ковыль.

Оказывается, мы у дома, где нас с Игорем высаживают охранники. Всё это время машина неспешно двигалась по Садовому кольцу, останавливалась на перекрёстках, вокруг были сотни людей, и никто даже предположить не мог, что происходит в этом чёрном внедорожнике...

Ковыль потащил меня за собой, хорошо, что в холодных сумерках никого во дворе нет... Мы подходим к двери в квартиру, за которой коммуналка, где «конспиративная» комната Игоря с пыльными окнами и засаленным старым диваном, которого мы даже не касаемся, входя сюда ненадолго...

– Ты мне должна будешь, – он наклоняется ко мне, рыча, – скажи спасибо, что сегодня трогать тебя не дали...

Толстым пальцем он погрозил мне у самого лица и исчез. А я, начала трястись, теряя остатки сил, достала ключи и, уронив их раза три, всё же открыла и вошла, не дойти сейчас до Игорева дома...

Лёля позвонила и попросила прийти в квартиру, где мы изображали наш с ней дом. И хотя она не плакала, я сразу понял, что случилось что-то нехорошее. Я прилетел меньше, чем за минуту.

Она, сжавшись, сидела на диване, едва я вошёл, подняла голову и протянула мне руки. Она прижалась ко мне, дрожа всем телом, и я не сразу увидел ни разорванную одежду, ни раненные губы, ни царапины на её коже.

– Игорёчек... Игорёчек... Милый...ты... ты только не думай... я... я не боюсь... не ожидала просто...

Я на руках унёс её тайными нашими ходами по чёрной лестнице в светлый подвал, потому что я включаю здесь свет каждый день, и потом, в мою, в дедовскую квартиру. Только здесь, Лёля расцепила руки и отпустила меня, только тогда я и разглядел, что одежду порвали, и блузку на груди и юбку... и синяки и царапины.

– Убью всех их... – прорычал я, теряя самообладание, представив, что кто-то коснулся Лёли.

– Не надо... Игорь... ты сам-то... ты...ох... – её затошнило...

Уже намного позже она рассказала мне, что же было сегодня. И заснула только после ванны, валерьянки, чая с мёдом, потому что никаких таблеток успокаивающих она не признаёт...

Я долго лежал рядом с ней без сна. Поддаться эмоциям – это то, что хочется сделать в первую очередь. Я поддамся. У меня есть возможность всю эту сволочь вывести. Я знаю даже, чей конкретно человек Захарчук, кто водит его руками в Конторе и в чьих интересах за её стенами он работает.

Я нашёл уже двух-трёх человек, к кому можно прийти со своим материалом. Но мне нужен, во-первых: подход, чтобы со мной стали иметь дело, а во-вторых: из троих надо выбрать лошадь, на которую ставить, кто принесёт большую выгоду всему. То есть тот, кто сидит выше всех остальных. Он и представлялся мне самым перспективным...

Что ж, теперь я ускорю свои дела, тянуть дальше ни к чему. Впереди Новый год. Увезти бы куда-нибудь Лёлю...

Я быстро придумал куда. Может ли быть на планете место романтичнее Венеции? Загран-паспорта я сделаю в два дня...

Глава 2. Плащ Казановы

На Арбат я приехала только через шесть дней, накануне Нового года. Я купила по дороге ёлочных игрушек, а Кирилл должен купить ёлку, на Арбате несколько ёлочных базаров.

Хороший лёгких снежок кружился на улице, придавая старинным домам уютный, какой-то Андерсеновский вид. Приятно пахло свежестью, морозцем. Никакого ветра, очень тихо и от этого, десятиградусный минус совсем не ощущался. Пока я шла от метро, получила удовольствие, вдыхая воздух на кривоватой улице, на Садовой шум и сила большой артерии города, а здесь тихо и уютно, почти как в Н-ске. Или в фильмах-детективах, вроде «Женщины в белом».

Но я приехала раньше Кирилла. Я поставила пакет с игрушками на пол в спальне и отправилась на кухню, зажгла огонь под чайником, чтобы делать хоть что-то. Остановилась у окна. Снег становился всё гуще, прямо снегопад...

Может пыль пока стереть? Придёт Кирилл, а я с тряпкой? Нет, после займусь... я заглянула в холодильник, полно снеди, купил заранее... да и от встречи я уклонялась целую неделю...

Кто-то позвонил в дверь, может, хочет, чтобы я открыла, свет-то видел с улицы... хотя и рано ещё, но мрачные зимние небеса совсем не пропускают солнца, поэтому я включила свет везде...

Я открыла дверь, молодая женщина, тёмно-красные волосы, довольно красивая, статная, выше меня, тем более что я босиком как всегда...

– Ну, я так и думала, – ухмыльнулась дама, оглядев меня наглым образом, и входя без спроса, – студентка что ли?

Я ничего не ответила, ожидая, что дама объяснит кто она, хотя, в общем, ясно, но хотя бы скажет, зачем пришла. Она осмотрелась, кивнула одобрительно:

– Ты что ли порядок навела? Домашняя девочка, значит? Он что, может, и жениться обещал? – она посмотрела на меня, подняв выщипанную бровь, усмехнулась. – Не женится, не верь. Такие, как он по выгоде только женятся, а какая с тебя, пигалицы, выгода? Даже эту квартиру для него я отыскала. Галина Мироновна Кирк, будем знакомы. Я заместитель его по научной работе.

Меня так и подмывало назваться. Но я не делаю этого, нет больше имён, начнутся имена, всё порушится опять. Слишком много значит моё имя...

– Что молчишь-то, соплячка желторотая? Давай договариваться. Я при нём двадцать лет состою, а ты... месяца... три? Так что... сама понимаешь... – она опять нагло разглядывает меня: – на молодость и красоту рассчитываешь? Так это товар скоропортящийся, так что спешу продать повыгоднее, он попользуется, и пойдёшь ты дальше по рукам, несолоно хлебавши...

Щёлкнула, открываясь, входная дверь, мы обе повернули головы, вошёл Кирилл, ёлка, связанная верёвкой, снег на ёлке, у него на плечах, с волос стряхнул, должно быть, ещё в подъезде – влажные...

– Лель, на площадке может, ёлку пока оставить, пусть оттаёт? – повысив голос, говорит Кирилл и поднимает голову. – Галина?.. Ты что здесь делаешь?

– Лёля, значит? – усмехаясь, Галина Мироновна. Снова смерила меня взглядом. – Совершеннолетняя хоть, Кирилл Иваныч? А то, может, от статьи тут её прячешь?

Она подошла к Кириллу:

– Я думала, тут холостяцкий бордель, а тут любовное гнёздышко. А я всё думаю, что наши шлюшки кафедральные приуныли, а у тебя, оказывается, новая кобылка в стойле. Ёлка... – ухмыльнулась она, – по-семейному прямо... Не разочаровывай старые кадры, Кирилл Иваныч, пока ещё новые чему научатся.

– Галина, ты ступай, завтра рабочий день, – Кирилл спокойно улыбнулся, продолжая неторопливо снимать куртку, вешает её на крючки, спокойно глядя на красноволосую даму.

Она подошла ещё ближе, глядя на Кирилла сверкающими чёрными глазами:

– До завтра, Кирилл Иваныч.

– До после праздников, Галя, я завтра не появлюсь, – опять спокойно сказал Кирилл.

– Наглеешь, – хотя для меня, очевидно, что нагло себя ведёт она.

– Quod licet Iovi, not licet bovi? – легко ответил Кирилл.

– Ну-ну, Iovi, – Галина Мироновна взялась за ручку входной двери.

– Виктору привет и с Наступающим! – сказал на прощание Кирилл весёлым тоном.

На прощание дама ещё раз смерила меня взглядом, полным яда. Как только дверь за ней закрылась, я сказала Кириллу:

– Слушай, она влюблена в тебя.

Он посмотрел на меня, качнул головой:

– Ни в кого она не влюблена, – он обнял меня за плечи, увлекая по коридору. – Контролировать всё любит до смерти.

– Змеищца! – сказала я.

Кирилл засмеялся:

– Очень метко. Ты... не обиделась?

Я улыбнулась, глядя на него, и говорю вполне искренне:

– Да мне льстит даже, что я с таким популярным мужиком любовное гнездышко свила посреди холостяцкого борделя.

Я смотрю на неё. «Льстит», то ли шутит опять, то ли всерьёз. Но, красивая такая, у меня сердце ноет, если не поцеловать её немедленно, умру...

... – Ёлка оттаяла, поди, – сказала Лёля, уже совсем сумерки, размытые уличными фонарями по спальне. Их свет сегодня в крапину от теней пухлых снежинок, так и сыплющихся на землю.

Я провёл ладонью по её животу, пот капельками выступил на коже, топят здесь, будто хотят всех нас запечь, даже несмотря на открытые форточки, в комнатах очень жарко. Но нам жарко не от раскалённых батарей.

– Ты хочешь ёлку наряжать? – спросил я.

– Я купила игрушки... и даже лампочки. Зажжём? – она засмеялась, поворачиваясь ко мне.

– Глупо просить тебя встретить со мной Новый год, да? – всё же с надеждой спросил я, глядя на её улыбающееся лицо.

– Я уезжаю. Меня не будет здесь в Новый год.

– В Н-ск? – я поднялся на локте. – Поедем вместе?

– Нет, Кирюша, не в Н-ск, в Н-ск мне опять мука ездить теперь. Никто ничего не понимает, от меня требуют объяснений, будто я способна хотя бы... понять, не что объяснить... Но ты съезди, – она коснулась ладонью моей щеки. – Все рады будут.

– Лёля...

Она встала с постели, кровать тоже старая в этом чудном доме, двуспальная, железная, с панцирным матрасом, она позвякивает и скрипит от наших движений, но зато красиво поблёскивает золотыми шариками в темноте и это нравится Лёле...

Лёля набросила на себя рубашку, здоровенную белую рубашку, которая служит ей халатиком, новая рубашка, не моя, не Стерха, хотя я предпочёл бы, чтобы носила мою. И сегодня я попросил её надеть мою. Лёля улыбнулась:

– Зачем?

– Мне будет приятно, что она будет пахнуть тобой, хотя бы какое-то время ты будто рядом... – я с удовольствием смотрю на неё.

– Хочешь... Хочешь, я останусь с тобой на эту ночь? – Лёля надевает мою рубашку, застёгивает на груди, всё тело скрылось под ней, только длинные незагорелые белые ноги, с узкими розоватыми коленками, да запястья в закатанных рукавах, выбросила волосы на спину...

– Правда, можешь? – я сел на постели.

– Я ведь дежурю иногда, – улыбнулась Лёля.

Я поднялся тоже, что ж, можно и ёлку поставить тогда, коли время есть на эти развлечения...

Мы наряжаем ёлку, как когда-то наряжали на «Суше», когда встречали Новый год вдвоём, а потом она ушла к Стерху... Но тогда Лёля была другой. Сейчас, в эти месяцы, она совсем не такая как тогда. И я другой. Мы наслаждаемся каждой минутой близости, каждым словом, взглядом, прикосновением, мы не мучаемся больше от того, что мы переступили черту... Может мы переступили её навсегда?..

– Лёля... у тебя синяки я видел, и царапины... – сказал я, когда мы добрались до кухни, где решили поужинать, наконец, приготовив мясо на скорую руку.

– Не прошли ещё, значит?.. Ну да, – она посмотрела на свои запястья.

– Это... это он? Ты поэтому не пришла тогда, неделю назад? Он... с тобой... жесток? Ты поэтому боишься его бросить?

– Нет, – Лёля смотрит на меня открыто, так, чтобы у меня не было сомнений, – нет, я никогда не стала бы терпеть... Как можно с тем, кто тебя колотит, потом говорить, есть, спать, наконец? Просто смотреть на него? Ты мог бы?

– Некоторые женщины так живут, – возразил я, думая, что даже не некоторые, а многие.

Лёля нахмурилась:

– Я много не понимаю в этом мире... А ты?

– Я не понимаю только, почему за столько лет я так и не смог тебя заполучить полностью, ты всё время не моя.

Лёля весело прыснула:

– Ну, так задумано, наверное, Казанова, чтобы ты всё время хотел меня! Я бегу, ты – догоняешь! – захохотала она.

– Хулиганьё! – тоже со смехом, я хватаю её и, перекинув через плечо, уношу в спальню, где играет огоньками ёлка, наполнившая, эту пустую комнату, с голыми стенами, торчащей старинной кирпичной кладкой, ароматом хвои. Так красиво расплёскиваются её волосы упругой волной по постели...

Первый тревожный сигнал в моей голове прогремел, когда Оля спросила меня пару недель назад, среди прочей обычной своей болтовни:

– Твоя жена на самом деле спала с твоим отцом? – она заинтересованно смотрит на меня и мне, очевидно, что её давно и сильно интересует этот вопрос. – Как ты это терпел? Или вы... втроём?..

Я долго прокручивал в голове её фразу, потому что обычно не слушал, что она говорит, такая это была словесная «пурга». Но эти слова задели меня, и я спросил, напрягая ум, чтобы понять:

– Откуда ты... с чего ты взяла? Кто сказал тебе такое?

Оля смутилась немного, краснея и отводя взгляд в сторону как все, кто врёт:

– Ну... так... Я не помню, может из твоих друзей кто-то...

Я смотрю на неё, она лжёт, никто и никогда из моих друзей не мог сказать, потому что никто не знал об этом. Никто не знал и не спрашивал, почему мы с Лёлей разошлись в прошлый раз, соблюдая невысказанную договорённость: не говоришь, значит, не хочешь, чтобы к тебе лезли в душу. Об отце и Лёле знали только наши родные в Н-ске и то, по-моему, не верили, но Оле и они сказать не могли, потому что не были знакомы, я сообщил им только, что

у меня скоро появится ребёнок. С меня хватило, что я познакомил её с отцом и с друзьями, и то и другое мне далось с трудом. Оля так и не созналась и я мучился этим вопросом, не находя ответа.

А за день до чёртова Нового года Оля всё же заставила меня пойти с ней на УЗИ. Надо сказать, что я только умом до сих пор понимал, что происходит, что мне предстоит, потому что даже заметно растущий от одной нашей встречи к следующей Олин живот, мне не внушал хотя бы тёплых чувств. Меня пугала пухнувшая Оля, которая становилась похожа на бегемота, её довольство происходящим. Она всё время, с самого первого дня, как сообщила мне о своей беременности, постоянно говорит мне о том, как всё будет, когда она родит, как она бросит работать в магазине, как пойдёт на курсы барменов, почему-то, как ребёнок, пойдёт в ясли: «Ведь бабушка не откажется помочь устроиться в ясли?», а мы снимем квартиру и... вот тут начинались проблемы, потому что я останавливал жирных голубей её фантазии, пытающихся взлетать над серым асфальтом наших сегодняшних жизней:

– Мы никогда с тобой не снимем квартиру, Оля. Я буду помогать тебе всем, чем смогу, но как не жаль, нормальным отцом твоему ребёнку я быть не смогу, потому что никогда не буду тебе мужем, – пряча глаза от её взгляда, чтобы она не заметила злости и раздражения в них, говорил я.

Но эти мои слова пролетали мимо Олиного сознания, она продолжала грезить наяву, уверившись почему-то, что когда родится ребёнок, мы станем жить все вместе. У меня всё это время было ощущение, что меня обокрали и заставляют при этом быть благодарным за это. Конечно, я виноват, что так легко снимал штаны в своё время. Это моя плата – Оля... Не ребёнок, который должен родиться, я не злился на него, мне было его жаль уже потому, что он или она, пола я так и не знал, что бедный малыш принуждён целыми днями всю свою жизнь слушать бессмысленную болтовню его матери...

Именно из-за этого мне даже приходили в голову мысли, чтобы забрать ребёнка себе, но я понимал, что это, по меньшей мере, несерьёзно, что с моей стороны это эмоциональный порыв и не более, дитя не котёнок, которого и то надо уметь воспитать, чтобы он хотя бы не писал в ботинки... что уж говорить о ребёнке, что я понимаю в детях?

Думая обо всём этом, я чувствовал, какое-то беспросветное бессилие, я никогда не чувствовал себя так... Впервые в жизни у меня впереди была будто бы стена, причём я не понимал зачем я приближаюсь к этой стене. Меня тащат к ней. Меня насилуют каждой мыслью об Оле, каждой нашей с ней встречей. Господи, неужели я так сильно виноват, что переспал с ней?! Неужели наказание должно быть таким жестоким? Наказание за легкомыслие и безответственность... Что все мужчины так? Поэтому всё больше в мире импотентов?..

Но в чём должна быть моя ответственность? Ни с кем и никогда?.. Поэтому мужчины и женщины ненавидят друг друга?.. Всё время пытаются обвинять, перекладывать ответственность за всё... Поэтому мир стал инфантилен, и никто не хочет взрослеть? Ребёнком жить легко – подчиняйся взрослому и всё происходит само собой без твоей воли. Поэтому жёны похожи на мамочек, а мужья на трёхлетних детей? При этом и те и другие составляют будто два враждующих лагеря.

А ведь я жил иначе... Но сейчас «мамочка» тащит меня, тащит в отцовство как на ненавистный кружок... Не хотеть с моей стороны преступно, я превращаюсь в монстра и предателя. Если бы не хотела она, то просто сделала бы молча аборт, и никто не знал бы и не осудил даже, а многие ещё и поддержали бы как ответственную девушку. А я, как ни поворачивай ситуацию, гад и мерзавец. Вначале я развратник, который посмел оставить своё семя в её теле, а потом я холодный подлец, не желающий иметь ничего общего с этой женщиной, не интересной и даже не очень привлекательной для меня.

Господи, будто я насильно всё сделал с ней! Будто не она пришла на наш сейшн и не она потащила меня вполпьяна в свою квартиру и не обвивалась вокруг меня своим мягким телом? Что мне было делать, не поддаваться? Никогда и ни с кем?!

О, конечно, отец предупреждал меня! И именно потому, что я сам плод такой же почти связи, я должен сам познать весь ужас этого...

Я спросил отца об этом. Мы с ним только поужинали, сидели над почти пустыми тарелками. Он поднял глаза на меня и возразил, удивившись:

– Да ты что!? Нет, Алексей, странно, что ты говоришь так... Мы с твоей матерью дружили, общались, это не было случайной связью ни в коем случае. Мне нравилась Наташа и очень. Просто тогда я думал, что влюблён в другую, но если бы я был умнее и зорче, я разглядел бы в твоей матери то, что я вижу в ней теперь, её черты я нахожу и в тебе, и они меня восхищают. Мне... Нет, Алёша, не сравнивай, это совсем не то же, – он смотрит на меня светлым взглядом. – И потом, мы с Наташей были женаты, мы вместе жили и до твоего рождения и после и ты... я тебя любил всегда и рад был твоему появлению. Я не стал хорошим мужем и отцом, не потому что не с той женщиной связал свою жизнь в тот момент, а потому что был легкомыслен и поверхностен. Всегда.

Его слова умиротворили меня, его глаза согрели мне сердце, я почувствовал себя не одиноким, поэтому и спросил его:

– Что бы ты сделал на моём месте?

– Аборт, – безапелляционно ответил он, дёрнув губой, и жёсткий металл влился в его взгляд. – Сделал и делал много раз. В смысле настаивал.

– И что, все делали?

– До сих пор, да, – он встал из-за стола, убирая тарелки в посудомоечную машину. Снова посмотрел на меня: – Я сейчас скажу крамольную, может быть вещь, но... Но, если честно, по-моему, дети – это женская ответственность, они рожают, отдавая свои тела под инкубатор нового человека, они и думают, чьего потомка растить в себе, кого станут прижимать к своей груди и кто станет дороже самой жизни... Но вообще, предохраняться всё же надо, мой мальчик, – он выразительно посмотрел на меня. – Заразы мог нахватать, герой-любовник. Альбрехт Дюрер, на которого ты теперь так похож с этой новой растительностью на лице, от страха перед люэсом впадал в тяжкую ипохондрическую депрессию, а вы во времена СПИДа и то ничего не боитесь. Не только голубые заражаются как в твоих задачках по инфекционным болезням...

Вот в этом аду я пребываю последние месяцы. Я не владею своей жизнью. Как всё легко и просто, когда Лёля рядом. Когда ты с той, кто твой мир. Нет ничего, что тебе тяжело или ты не можешь. Так было даже, когда я в школе только смотрел на неё издали. Но она была со мной, в моей жизни, она была моя жизнь. Она и теперь моя жизнь, была и есть. Даже в Чечне она была со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.